

М. А. Несин
ученый секретарь МОО «Историческое сознание», к.и.н.
petergof-history@yandex.ru

Б. А. Илюшин¹
младший научный сотрудник ЛГИ НГУ, к.и.н.
arunta-desert@yandex.ru

СРАЖЕНИЕ НА ОТЯКОВОМ / ИТЯКОВОМ ПОЛЕ В 1524 ГОДУ: СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЙСК, ДАТИРОВКА И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ, ЛОКАЛИЗАЦИЯ И ЗНАЧЕНИЕ

В данной работе анализируются сведения источников о дате, месте, продолжительности и значении сражения на Отяковом поле в 1524 г., о походе русских ратей на Казань в том же году, численности русского и казанского войск. Авторы выявляют упоминание даты 8 августа в известии Волоколамского летописца первой половины XVI в., как правило, известном ученым в кратком и неточном пересказе А. А. Зимина и отмечают, что эта дата является наиболее вероятной из всех, имеющих в источниках. В приложении публикуется погодная запись данного источника за 7032 (1524) г., повествующая о походе великокняжеских войск на Казань. Итяково поле располагалось в низовьях Свияги, на левом берегу реки Свияги между устьем р. Биш и г. Свияжском. Значение сражения оценить трудно. Несмотря на однозначную победу великокняжеской конницы, она понесла в нем большие потери, что, вероятно, и привело к неудачному для русской стороны исходу войны.

Ключевые слова: битва на Итяковом поле, Василий III, И. В. Хабар-Симский, М. С. Воронцов, аталык Талыш, Сафа-Гирей, новгородцы.

Битва на Итяковом поле у реки Свияги произошла пять веков назад, на третий и последний год войны между коалицией Крымского и Казанского ханств и Великим княжеством Московским. Начиная с конца 60-х гг. XV в. великие князья московские вели политику по подчинению Среднего Поволжья, в чём имелся большой материальный интерес в виде контроля над торговыми путями, увеличения количества подданных и ясачных плательщиков, расширения земельного фонда. Тем более, что с момента образования Казанского ханства отношения между его первой династией и Москвой сложились враждебные. Хотя «казанские цари» со своим татарским войском сумели остановить русскую экспансию в регион, начатую ещё в домонгольское время, прерванную монгольским завоеванием и возобновлённую во время Великой Замятни, уже в 1487 г. ханство оказалось фактически подчинено Москве.

В период т. н. протектората между 1487 и 1505 гг., а также после московско-казанской войны 1505–1506 гг. отношения между двумя государствами были мирными. Но после

¹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири – от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)»

смерти бездетного хана Мухаммеда-Эмина в 1518 г. в казанские дела стали активно вмешиваться крымские Гирей, поскольку имели интерес в укреплении дружественного (вассального) татарского юрта в противовес Москве. В 1521 г. крымский отряд изгнал московского ставленника из Казани и новым ханом стал Сахиб-Гирей. В том же году большое крымское войско дошло до Москвы, а казанцы напали на восточные окраины великого княжества, осаждали Нижний Новгород.

После убийства ногаями крымского хана и разгрома его войска весной 1523 г. Василий III пошёл было с войсками на Казань. Кроме того, важным поводом для похода было учиненное той же весной казанским ханом Сахиб-Гиреем массовое убийство христиан в Казани, великокняжеского посланника Василия Юрьевича Поджогина и то ли его людей, то ли арестованных и ограбленных 2 года назад русских купцов (ПСРЛ, 1859. С. 270; ПСРЛ, 1904. С. 43). Но из-за ожидания ранней зимы Василий III остановился в августе в Нижнем Новгороде, послав на казанские земли рати для разорения, а также приказал поставить в устье пограничной Суры крепость, ставшую позже г. Васильсурском (ПСРЛ, 1853. С. 264; ПСРЛ, 1859. С. 270; Нижегородский летописец, 1886. С. 32; ПСРЛ, 1904. С. 43–44; ПСРЛ, 1959. С. 312; Шмидт, 1951. С. 281–282; ПСРЛ, 1978, 14; Тихомиров, 1979. С. 163; ПСРЛ, 2000. С. 222; Трепавлов, 2024. С. 208–217).

Постниковский летописец к 1523 г. относит также и сражение на Отяковом поле (ПСРЛ, 1978. С. 14). Поэтому часть историков, начиная с А. А. Зимина, сочла это сражение реальным фактом и в историографии бытует представление о двух победах русского войска над казанцами на этом месте с разницей почти в один год (Зимин, 1972. С. 253, 263; Кузнецов, 1999. С. 74, 78; Бахтин, 2001. С. 251, 261; Волков, 2001. С. 73–74, 202. Примеч. 50; Кузнецов, 2002. С. 231, 234; Котляров, 2005. С. 188, 193; Филюшкин, 2010. С. 267–268; Волков, 2004. С. 90–91; Свечников, 2014. С. 132, 135; Михайлова, 2015. С. 37, 39, 42; Котляров, 2017. С. 200, 204). Однако, в последнее время Н. В. Белов и Б. А. Илюшин почти одновременно пришли к выводу, что было одно сражение 1524 г. а более ранняя датировка является ошибочной. Так, Н. В. Белов обратил внимание на содержащиеся в Продолжении хронографа 1512 г. конкретные сведения о протяженности похода 1523 г. конной и судовой ратей на Казанские земли – только до р. Цивили, и резонно заключил, что сражение на расположенном на берегу р. Свияги Отяковом / Итяковом поле не имело отношения к этому походу, а состоялось уже в 1524 г. (Белов, 2019. С. 204). Б. А. Илюшин, отметил, что ряд источников, подробно описывающих сражение на Итяковом поле, относит ее к походу 1524 г., а не к 1523 г.: «Никоновская, Типографская, Волоколамская летописи, Пафнутьевский и Казанский «летописцы», Русский хронограф, Разрядная книга 1475–1605 гг. и Герберштейн достаточно подробно описывают сражение на Свияге, на Итяковом поле, относя его именно

к 1524 г.», а «о бое 1523 г. молчат». Это «заставляет заподозрить ошибку в переносе» крупного полевого сражения 1524 г. на год ранее (Илюшин, 2021. С. 207–208). Думается, что выводы обоих исследователей хорошо дополняют друг друга. Победу в сражении с казанцами на Итяковом поле одержала именно русская конница Ивана Васильевича Хабар Симского в 1524 г., а не конница князя Горбатого, дошедшая годом ранее только до р. Цивили².

В 1523 г. у князя Горбатого не было резона разорять казанские земли до Свияги, приближаясь к ханской столице на несколько десятков километров: это было чревато быстрым ответным казанским набегом на Русь со срывом строительства приграничной крепости Васильгород. Поэтому можно определенно отнести сражение на Итяковом поле именно к лету 1524 г.

В Казани понимали, что грабительским набегом до р. Цивиль Василий III не ограничится и будет готовить новый поход на Казанское ханство. Казанский хан просил у родичей из Крыма прислать ему пушки и пищали, но не дождался, после чего уехал из Казани, вместо себя оставив племянника – малолетнего Сафа-Гирея (Бахтин, Хамидуллин, 2014, С. 305–306; Смирнов, 1887. С. 399).

Новая казанская кампания была начата «весной» в 1524 г. (ПСРЛ, 1859. С. 270; ПСРЛ, 1904. С. 44). Судовой ратью командовали 11 воевод, конной – 10. Возглавлял конную рать и её Большой полк боярин (или в те годы ещё окольничий) Иван Васильевич Симский, имевший прозвища Хабар за удачливость и Дикой за необузданный нрав – герой обороны от татар Нижнего Новгорода в 1505 г. и Переяславля-Рязанского в 1521 г. Назначение, скорее всего, было связано с его удачливостью, хитростью и заслугами перед великим князем, поскольку ни родовитостью, ни соответствующим большим опытом он не отличался. Вторым воеводой был Михайло Семёнович Воронцов, также не обладавший значительным боевым опытом (Бахтин, 2017. С. 70–71; Зимин, 1988. С. 157–158; Филюшкин, 2010. С. 264–265). При анализе же всего воеводского корпуса выясняется, что из 10 воевод один не имел опыта воеводства, у двоих насчитывается по 2 назначения, у одного – 3, ещё у одного – 4, у двоих – 5, ещё у двоих – 6, и у одного – 7 назначений (т.е. основная масса воевод опыт имела небольшой). С непосредственным боевым контактом тут ещё хуже: достоверно его можно отметить только у пятерых, причём у троих – по 1 эпизоду, у двоих – по 2, и у одного – 3.

² Источники расходятся в показаниях, какой князь Горбатый возглавлял конницу в том походе. По сведениям хронографа редакции 1512 г. это был Борис Иванович (Шмидт, 1951. С. 281). «Казанский летописец», смешивающий реалии походов 1523 и 1524 гг., также под 7032 (1524) г. упоминает во главе великокняжеской конницы Бориса Суздальского Горбатого (ПСРЛ, 1903. Стб. 34), однако Нижегородский летописец упоминает во главе конной рати Андрея Борисовича Горбатого (Нижегородский летописец, 1886. С. 32). Трудно сказать, какая из этих версий достоверна – имевшиеся в научном обороте данные о биографиях обоих князей не дают ни для одного из них серьезных противопоказаний к участию в этом походе.

Шестеро из десяти воевод (включая главного) являлись представителями нетитулованной московской служилой аристократии, остальные – в основном служилые князья: двое князей Оболенских (Черниговских), один – Смоленский (из нововыехавших при Иване III) и один – из Ярославских, служивший, видимо, удельному князю Юрию Ивановичу. Иными словами, здесь мы видим преобладание лиц, не обладающих большим опытом воеводства, но лично преданных великому князю и происходящих из семейств, издавна служивших Москве. В назначениях воевод отразилась, несомненно, и местническая иерархия, но разница в уровне подготовленности судовых и конных воевод может выражать и отношение к коннице, как к сугубо вспомогательному контингенту (а в судовую рать вели многоопытные воеводы). Высшее командование могло считать, что для достижения конницей Казани и дальнейшего прикрытия осадной группировки вполне достаточно таких командиров. Территориальный состав великокняжеских служилых людей, шедших в поход, практически неизвестен. Исключение составляют уникальные сведения Типографской летописи о присутствии в конной рати Новгородской силы (т.е. конницы из новгородских детей боярских) (ПСРЛ, 2000. С. 222), и синодика конца XVII в., в котором приведены имена рязанских дворян, погибших в том походе (Древняя российская вивлиофика, 1788. С. 465–466). Новгородские дети боярские служили в основном на западе и принимали участие во всех наиболее значимых кампаниях московско-литовских войн (Бенцианов, 2019. С. 113). Перевод их на восточное направление говорит о важности похода и большой численности участвовавших в нём ратей. По мнению А. Н. Лобина, в первой трети XVI в. новгородские дети боярские могли насчитывать ок. 2 тыс. чел. (с учётом роста поместного землевладения и ок. 3 тыс. чел. на 1562 г.) (Лобин, 2011. С. 100–101). Однако в походе на Казань вряд ли участвовали все помещики – какая-то их часть могла оставаться «по домам» на случай прихода «воинских людей» из Литвы или Ливонии.

«Рязанцы», поднаторевшие в столкновениях со степными татарами, также были многочисленны. Известно, что в 1562 г. их насчитывалось не менее 626 человек (Записная книга. С. 119–154). В начале века их могло быть ок. 400 чел. Привычность к столкновениям со степняками и упоминание павших рязанцев в последовавшей во время похода конной битве на Свияге позволяют предположить присутствие их именно в конной рати. Известно также об участии в походе детей боярских из коломенской корпорации (Бенцианов, 2019. С. 183, 334, прим. 548; Древняя российская вивлиофика, 1788. С. 466). Коломенский служилый город в 1562–1577 гг. насчитывал ок. 310–318 человек (Записная книга. С. 119–154; Чернов, 1954. С. 77). В первой трети века их могло быть человек 200–250. Фигурирующие в источниках данные о численности русских ратей многократно преувеличены. «Казанский летописец» сообщает о 150 тыс. воинства (ПСРЛ, 1903. Стб. 34). Сигизмунд Герберштейн

привёл ещё большую цифру – 180 тыс. (Герберштейн. С. 179). Учитывая известные средние показатели по периоду Ивана Грозного, когда под командованием воеводы находились 4–5 сотенных голов, а также приблизительный состав т. н. сотен, можно приблизительно определить численность русских ратей. С учётом 11 воевод в судовой рати (плюс «наряд») и 10 – в конной, при расчёте получаем в судовой рати от 6600 до 8250 условных ратников (плюс несколько сот чел. с артиллерией), и в конной – от 6000 до 7500 чел. (из которых до 2,4 тыс., предположительно, составляли новгородские, коломенские и рязанские дети боярские). К их числу, вероятно, можно ещё добавить не менее полутора сотен татар из двора Шах-Али, которые упоминаются Герберштейном при описании военных действий под Казанью (Герберштейн. С. 178). Правда, он приводит сомнительное сведение о намерениях Шах-Али использовать целых полторы сотни своих конных татар для преследования всего лишь шестерых казанских всадников. Не исключено, что С. Герберштейн допустил ошибку, исходя из привычного представления о татарах как о конниках, а на самом деле люди Шах-Али прибыли вместе с ним в составе судовой рати, и теперь в пешем строю намеревались напасть на выезжавших из города казанских всадников. В общей сумме получаем приблизительно от 13 до 16–17 тыс. воинов конной и судовой ратях.

Противопоставить этому казанцы могли едва ли столько же воинов, причём со всего ханства. Ядром казанских вооружённых сил была ханская гвардия и отряды биев – профессиональные конные воины с полным комплектом вооружения. По статусу и качеству вооружения к ним были близки мурзы и казаки (рядовые воины, несшие службу с земельного надела или за жалование). Более многочисленным, но куда менее боеспособным было ополчение из татар, черемисов и других народов ханства, в значительной степени пешее. С учётом численности населения ханства (до 500 тыс. человек), сопоставимости мобилизационных возможностей ханства и великого княжества (до 1/50 населения могло быть набрано в войска), численности служилых казанских татар, чувашей и марийцев в Московском царстве после 1552 г. и общего количества содержащихся на территории Казанского края комбатантов в XVII в., получается около 3–5 тыс. профессиональных воинов и ок. 10 тыс. ополченцев. Конные отряды из Ногайской Орды, скорее всего, не могли в большом количестве участвовать в войне на стороне Казани – некоторые ногайские мирзы были врагами крымских Гиреев (Илюшин, 2021. С. 230–231).

Источники по-разному датируют начало похода судовой и конной ратей. Постниковский летописец относит их выступление к маю (ПСРЛ, 1978. С. 14), не называя конкретных дат. Типографская летопись относит выступление судовой и конных ратей к 12 числу (ПСРЛ, 2000. С. 222), Волоколамский летописец – к 29 (РГБ. Ф 92. Д. 2. Л. 140 об). Софийская II летопись тоже сообщает об отправке судовой рати в мае и уточняет, что конная

рать Ивана Хабара была отправлена «после» нее (ПСРЛ, 1853. С. 264). Разряды датируют выступление флотилии за неделю / за день до Троицы (8 /14 мая), а конницы – на Троицу (15 мая) (Разрядная книга, 1966. С. 69; Разрядная книга, 1977. С. 189). Вероятно, правильное чтение – «за неделю», содержащееся в более ранней Разрядной книге 1475–1598 г. (Разрядная книга, 1966. С. 69), а не «за день», как указано в относительно поздней частной Разрядной книге XVII в. 1475–1605 гг. (Ср.: Разрядная книга, 1977. С. 189). С точки зрения текстологии проще понять, как поздний переписчик не понял плохо написанное слово (н?)де(л?) и по ошибке записал как «день», чем как «день» растянул на «неделю». Если Василий III действительно послал конную рать после судовой, то, вероятно, он рассчитывал на то, что приход русской флотилии с осадными орудиями подорвет боевой дух казанцев и прибытие русской конницы станет финальным аккордом, который практически сразу приведет к капитуляции города. На это указывает и назначение в судовую рать более многоопытных воевод, чем в конную. Интересно, что именно в составе конной рати находились такие невоенные лица, как брат убитого в 1523 г. казанцами русского посла Иван [Юрьевич] Шиного Поджогин и дьяк Афанасий Курицын, которым государь доверил росписи воевод по полкам (Разрядная книга, 1966. С. 70). Эти двое чиновников, дипломат и дьяк, явно были ответственны за составление договорной грамоты с Казанью. В отличие от претендента на казанский престол Шах-Али, они не были отправлены в составе судовой рати, которая должна была сидеть под Казанью в ожидании конницы, а поехали с конной, чтобы по прибытию к месту назначения, поскорее приступить к своим прямым обязанностям, составлению «докончания» с Казанью.

Но как бы то ни было, судовая рать, прибывшая к Казани к началу июля (Герберштейн, 1988. С. 177–178; РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 140 об.), потратила на дорогу больше месяца, а то и около 2-х. Этот факт удивлять не должен. По Типографской летописи, морозная зима в тот год продержалась до Троицы (15 мая), снег на Троицу сошел не весь, пахать и выпускать пастись скотину начали в Петрово говение (ПСРЛ, 2000. С. 222), то есть, не раньше 23 мая. Соответственно, судовой рати князя И. Ф. Бельского явно приходилось идти по более-менее освободившимся ото льда рекам очень неспешно и осмотрительно, чтобы не напороться на льдины (а при том, что в такой холодный май вода не могла прогреться, шансы массово спастись вплавь в случае кораблекрушения у ратников были невелики). Тем более, что именно в судовой рати находился московский кандидат на казанский трон, Шах-Али, который должен был быть благополучно доставлен под Казань. Поэтому князь Бельский не мог гнать свою флотилию с большой скоростью и шел к Казани так медленно. А конница И. В. Хабара Симского определенно увязла в поздней распутице. Тут может быть станет не лишним сопоставить её поход с темпом движения сухопутных

войск ненастным летом 1502 г. во время Грязевого похода князя Дмитрии Жилки на Смоленск, когда русские войска тоже еле брели, увязая в грязи в среднем со скоростью от 7 до 14 км в день (Несин, 2016. С. 139–140). Поэтому неудивительно, что она тащилась до р. Свияги больше 2-х месяцев и добрела на расположенное на берегу Свияги Итяково поле только к 8 августа.

Источники по-разному датируют сражение на Итяковом поле. Поэтому в историографии вопрос о дате остается нерешенным. Типографская летопись датирует его 24 июня (ПСРЛ, 2000. С. 222)³, а Продолжение Хронографа редакции 1512 г. – 28 июля (Шмидт, 1951. С. 282).

Между тем, надо отметить, что сражение определенно произошло позднее июня. Австрийский дипломат барон С. Герберштейн, опиравшийся на сведения участника похода князя Семена Федоровича Курбского, шедшего в судовой рати, и т. н. краткий Волоколамский летописец (см. Прил. 1) первой половины XVI в. независимо друг от друга пишут о прибытии судовой рати под Казань в начале июля (хотя немного в разные дни, 7 или «Г» (3) числа в «недлю» – в воскресенье), а великокняжеская конница одержала победу в столкновении с татарами / в бою с ж (20 000) «избранными» татарами на Свияге уже после того как судовая рать подошла к Казани (Герберштейн, 1988. С. 177–178; РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 140 об.–141). Официальное великокняжеское летописание, рассказ которого отразился в таких памятниках, как Воскресенская и Никоновская летописи, тоже сообщает о том, что казанцы узнали о приближении конницы уже после прибытия под Казань судовой рати (ПСРЛ, 1859. С. 270; ПСРЛ, 1904. С. 44). Таким образом, сражение на Свияге определенно состоялось не в июне, а не раньше июля. Не говоря уж о том, что соединение конницы с судовой ратью под Казанью произошло уже в августе: Герберштейн относит начало осады города после прибытия под него русской конницы к 15 числу (Герберштейн, 1988. С. 178). Это тоже свидетельствует против июньской даты битвы на Итяковом поле: в противном случае получалось, что конница потратила на дорогу от Свияги к Казани больше полутора месяцев, а такое промедление не было отмечено в источниках, упоминавших о прибытии конницы под Казань.

³ Некоторые исследователи ошибочно называют 24 июля (Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 307; Бахтин, 2017. С. 77; Белов, 2019. С. 207). Однако, в источнике упоминается 24 июня, и нет оснований утверждать, что летописец в данном случае допустил опisku в названии месяца, имея в виду июльскую дату. Опираясь на ошибочную дату 24 июля, А. Г. Бахтин полагает, что в этот день конная рать вышла на Итяково поле, где ее уже поджидало казанское войско (Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 307; Бахтин, 2017. С. 77), а сражение началось уже 28 июля с атаки казанцев (Бахтин, 2017. С. 77). Но Типографская летопись относит к 24 июня именно сражение – «побиша великого князя воеводы конная рать татаръ на Свиязе многихъ, мѣсяца июня 24» (ПСРЛ, 2000. С. 222), не говоря уж о том, что ни один источник не упоминает четырехдневного стояния обоих войск перед боем. Поэтому попытку примирить содержащиеся в источниках разные даты битвы стоит признать неудачной.

Вместе с тем, надо отметить, что есть третья датировка сражения, содержащаяся в рассказе Волоколамского летописца (рис. 1), в основном известном историкам в кратком пересказе А. А. Зимина (Зимин, 1972. С. 262–263). При этом, в ходе обращения к тексту рукописи можно заметить, то А. А. Зимин пересказал источник не совсем точно.

Так, А. А. Зимин ошибочно написал об участии в бою 2 тыс. избранных татар, вместо упомянутых летописцем $\tilde{k}$ (20 тысяч) (Ср.: Зимин, 1972. С. 262; РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 141). Не ясно, каким образом Зимин получил это число: неправильно прочитал в рукописи букву «к» (20) как «в» (2), или при написании монографии допустил опisku, пропустив «0» в цифре «20»? Зато эти фантомные 2 тысячи избранных татар со ссылками на А. А. Зимина прочно укрепились в историографии (Бахтин 2012, С. 201; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 307; Михайлова, 2015. С. 42; Бахтин, 2017. С. 77; Володихин, 2020. С. 213; Илюшин, 2021. С. 238, 250), Правда, иронией судьбы, эта оценка оказывается более реалистичной, чем летописные 20 000: как-никак, речь идет не о каких попало, а об избранных, отборных, казанских воинах, которые, как видно из других источников, явились на Свиягу раньше русской великокняжеской конницы и неожиданно напали на нее, то есть представляли собой небольшие отборные силы быстрого реагирования. Практически единственным современным исследователем, который при рассмотрении данного сражения ссылался на текст рукописи, а не на пересказ А. А. Зимина и называл верное число 20 000, является В. А. Волков (Волков, 2001. С. 202. Примеч. 50)⁴ правда, он прочему-то считает, что в этом источнике сражение на р. Свияге датировано 24 августа, с чем никак невозможно согласиться, поскольку эта дата в источнике не упоминается (РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 141)⁵, но августовская дата у этого боя в источнике действительно есть.

Кроме того, А. А. Зимин решил, что за неделю до Госпожина дня «когда [под Казанью] соединилась [русская] конная рать с пешей, произошел новый бой с русских войск с татарами. После него-то казанцы и «добили челом» воеводам» (Зимин, 1972. С. 262–263). А. Г. Бахтин, сославшись на А. А. Зимина, писал о начале осады Казани 8 августа (Бахтин, 2001. С. 261), очевидно, отняв неделю от 15-ого. В действительности, после упоминания об успешном для великокняжеских воевод конной рати результате боя на Свияге с « $\tilde{k}$ » (20 000)

⁴ На этот казус с 2000 недавно также обратил внимание Н. В. Белов, не подкрепив свои рассуждения ссылкой на источник. По мнению Н. В. Белова, «неверно сообщенные Зиминим числовые данные выглядели весьма правдоподобно, а потому получили широкое распространение в работах после дующих историков» (Белов, 2022. С. 611. Примеч. 2). В действительности, вышеуказанные историки просто ссылались не на текст источника, а на его пересказ в книге А. А. Зимина.

⁵ И вдобавок явно противоречит построениям самого В. А. Волкова, который, опираясь на сведения С. Герберштейна, пишет, что уже 15 августа войска соединились под Казанью и приступили к осаде города (Волков, 2001. С. 74–75; Волков, 2004. С. 92). Однако эта сомнительная дата сражения – 24 августа уже стала в качестве аксиомы распространяться в историографии (Вербицкий, Карпенко, Пелогейко, Семин, 2024. С. 30) при этом данные авторы тоже тут же пишут о соединении русских войск под Казанью уже 15 числа (там же).

избранными казанскими татарами, Волоколамский летописец отметил: «Бои был мсца августа за недлю до дспожина дни (за неделю до дня Успения Богородицы 15 августа, то есть 8 августа) и приступ (наступление, штурм / доступ, подход (СРЯ, 1995. С. 41–42))⁶ был къ граду конным и соудовым зане ж съшлися конная рат съ судовою» (РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 141). Надо полагать, что в августе за неделю до Господина дня произошел вышеописанный бой на Свияге, это дало возможность русской коннице дойти до Казани, соединиться с судовой ратью и та под прикрытием конницы смогла покинуть свой острог и бить по городу из привезенной на кораблях осадной артиллерии.

Таким образом, получаем еще одну летописную дату сражения на Итяковом поле, кроме известных из других источников 24 июня и 28 июля – 8 августа: от августовского Господина дня (Успения Богородицы, отмечавшегося на Руси 15 августа) отнимаем 7 дней и получаем 8 число (Второй Господин день, день Рождества Богородицы, который справляли 8 сентября, явно не подходит: если отнять от него неделю, получаем 1 сентября, а не «мсца августа»). И надо признать, что эта дата весьма правдоподобная: она наилучшим образом перекликается со сведениями С. Герберштейна о начале осады Казани 15 августа после соединения конницы и пехоты. После боя с казанцами на Свияге русской коннице было логично потратить порядка нескольких дней на разведку, прежде чем идти дальше к неприятельской столице. Поэтому было вполне нормальным прибыть к Казани через неделю после сражения на Свияге.

Итак, скорее всего сражение на Отяковом / Итяковом поле на берегу Свияги между великокняжеской конницей и казанским войском произошло уже 8 августа. В составе казанского воинства великокняжеский летописец отмечал помимо татар черемисов (марийцев) и чувашей (ПСРЛ, 1859. С. 270; ПСРЛ, 1904. С. 44). А. Г. Бахтин упоминает также мордву (Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 307; Бахтин, 2017. С. 77), однако, это не подтверждается источниками. Тем более, что она проживала далеко от Свияги и потому казанцам, уже в июле узнав о приближении русской конницы, навряд ли было целесообразно мобилизовать мордовский отряд для того, чтобы перехватить противника у этой реки. Пафнутаевский летописец отмечает, что казанцы пришли безвестно (внезапно) на воевод великого князя (Тихомиров, 1979. С. 163), а великокняжеское летописание и «Казанская история» (далее – КИ) сообщают, что казанцы прибыли на Свиягу раньше великокняжеских воевод – «сретоша» (встретили) их на Свияге (ПСРЛ, 1859. С. 270; ПСРЛ, 1904. С. 44) /

⁶ С точки зрения современной грамматики напрашивается второе значение: был им доступ. Но, памятуя известные летописные обороты типа «был им бой», не исключая, что здесь слово «приступ» употреблено в первом значении наступления, штурма. Также не исключено второе значение: доступ, подход, что, в принципе, существенно не меняет дела: для чего еще русским конной и пешей ратью был нужен доступ к городу, как не для нападения, не для артобстрела?

«ждуше рускія силы» (ПСРЛ, 1903. Стб. 35). При этом источники, сообщая о великокняжеской коннице, умалчивают о казанской конной рати. А КИ упоминает у казанцев только ладьи, а не коней (ПСРЛ, 1903. Стб. 36) (ладья в данном случае, возможно, не конкретный тип корабля, а обобщенное наименование судна любого типа, например, стругов; во всяком случае, в одном из списков КИ русская лодейная рать также фигурирует как струговые вои (ПЛДР, 1985. С. 348)). По мнению М. А. Несина, в этой связи казанцы, вероятно, не стали тратить время на переправу коней на правую стороны Волги, а быстро пришли на Свиягу на судах, объединились с такими же судовыми отрядами марийцев и чувашей и опередили приближающееся к Свияге русское конное войско, внезапно и слаженно напав на него на прибрежном Итяковом поле. Конница имела определенные преимущества в бою с пехотой. Поэтому для судовой рати логично было использовать фактор внезапности.

Источники обычно не упоминают командиров казанского войска в сражении на Итяковом поле 28 июля 1524 г. Исключением является КИ второй половины XVI в. Во главе казанского войска упоминаются первый воевода князь Отуч и «другой», второй (воевода) аталык (ПСРЛ, 1903. Стб. 35)⁷. Разумеется, аталык – не имя собственное, а должность ханского воспитателя. Имя аталыка источники умалчивают. Правда, один из писцов, вероятно, решил по-своему восполнить этот пробел. В одном из поздних списков КИ из собрания рукописей Ф. И. Буслаева, в ходе повествования о гибели аталыка в 1530 г., указано его имя Талыш (ПСРЛ, 1903. Стб. 38. Примеч. 33). М. Г. Худяков, опиравшийся в своей монографии на данное издание КИ 1903 г. в 19 томе Полного собрания русских летописей, принял это на веру (Худяков 1923, с. 93, 187). Про аталыка Талыша пишут некоторые современные историки (Волков 2001, С. 78, 203. Примеч. 69; Бахтин, 2012. С. 221; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 307, 309; Измайлов, 2014. С. 525; Бахтин, 2017. С. 77), вероятно, взяв его у М. Г. Худякова, поскольку в данных работах опираются на более позднее издание КИ 1954 г., в коем это чтение отсутствует. Однако, этот список, в коем

⁷ Разве что в одном списке КИ 1660 г. (РНБ. Ф. IV. 578), изданном в 7 выпуске Памятников литературы Древней Руси. Отуч и его звание воеводы пропущены. Поэтому «первым князем» и, фактически, главным воеводой, оказывается аталык (ПЛДР, 1985. С. 348). В списке Румянцевского музея Отуч и Аталык упомянуты как князья (ПСРЛ, 1903. Стб. 249). Эти чтения явно ошибочным – все списки КИ, сообщая о гибели в 1530 г. аталыка, не титулуют его князем, при том, что величают его «достохвальным казанским воеводой» и изображают настоящим богатырем, якобы способным полностью разрубить пополам человека в панцире и шлеме вдоль от головы до седла и убивать из лука за версту человека, зверя и птицу (ПСРЛ, 1903. Стб. 38–39, 255–256; ПЛДР, 1985. С. 352, 354). Так что определенно стоит отдать предпочтение версии остальных списков КИ, согласно которой казанское войско на Итяковом поле возглавляли два воеводы – первый воевода князь Отуч и второй [воевода] аталык. Другое дело, что в Вологодско-Пермской летописи в сообщении о гибели аталыка в 1530 г. в остроге с супругой, аталык фигурирует в качестве большего (главного) их (татар) князя (ПСРЛ, 1959. С. 314). Однако, такой высокий титул аталыка вызывает сомнение, поскольку официальное великокняжеское летописание, красочно описывая успехи великокняжеских воевод при захвате казанского острога, не сообщает об убийстве ими столь важной персоны в войске противника (ПСРЛ, 1859. С. 273; ПСРЛ, 1904. С. 47).

выделяют почерка второй половины – конца XVII в., определенно не является самым ранним списком КИ. Текст этого списка источниковеды тоже не считают самым древним и подлинным. Поэтому данное уникальное сведение об имени аталыка, отсутствующее во всех остальных списках, может быть поздней вставкой и некритически воспринимать его в качестве исторического факта нам кажется преждевременным. Поэтому предлагаем пока что оставить этого аталыка безымянным. Таким образом, речь идет о воспитателе нового 13-летнего казанского хана Сафа-Гирея, представителя крымской династии на казанском престоле. Очевидно, этот аталык был выходцем из Крымского ханства, недавно явившимся в Казань вместе со своим юным воспитанником, занявшим здесь трон. И если аталык не сделался советником Сафа-Гирея, то, во всяком случае, стал при нем одним из видных воевод. Не ясно, был ли под его началом на Итяковом поле небольшой крымский воинский контингент, или «крымские люди», которые несомненно хотя бы в небольшом количестве сопровождали крымского царевича Сафа-Гирея на казанский престол⁸, оставались с новым

⁸ Пафнютевский летописец, по ошибке назвав Сафа-Гирея Саадет-Гиреем, и сместив его воцарение в Казани на 5 лет назад, в 1519 г. сообщает, что на пути в Казань касимовские татары перебили его людей и он еле ушел с матерью (Тихомиров, 1979. С. 161). Впрочем, летописец сообщает явно преувеличенные сведения о том, что в 1524 г. великокняжеские воеводы постарались ликвидировать Казанское ханство, что не случилось ввиду молебн казанской знати о мире и о последующем полном опустошении Казанского ханства ногаями (Тихомиров, 1979. С. 163). В действительности перед воеводами стояла задача всего лишь посадить на казанский трон московского ставленника, и они с этим не справились, потому навряд ли представляли собой реальную угрозу для казанской государственности. Вероятно, недаром исследователи не принимают на веру сведения данного источника о таких намерениях русских воевод. А вот к известию об опустошительном походе ногаев ученые иногда относятся с полным доверием и считают крупный набег ногаев одной из причин прибытия 15 ноября в Москву, к Василию III казанского посольства, просившего признать казанского хана Сафа-Гирея (Зимин, 1972. С. 265; Свечников, 2014. С. 136; Волков, 2001. С. 75; Волков, 2004. С. 92–93). Однако, «схожесть ситуации с разорением Крыма в 1523 г., путаница с именами крымского и казанского ханов, а также общий апологетический тон произведения позволяют предположить, что ногайского нашествия на Казань в 1524 году на Казанское ханство не было (хотя он и было возможным в тех военно-политических условиях)» (Илюшин, 2021. С. 264–265). Во всяком случае отсутствие упоминание об этом набеге в иных источниках дает основания считать сведения Пафнютевского летописца о его грандиозных масштабах явно преувеличенными, ни до какого полного разорения ханства дело не дошло (при том, что в Ногайской Орде в то время соперничали разные князья с различным отношением к Гиреям, сомнительно, что она имела возможность собрать силы для разорения всего Казанского ханства). А казанские послы и без того вскоре после похода русских войск на Казань имели основания уточнить у Василия III, готов ли он смириться с тем, что Сафа-Гирей остался на троне и не будет ли он организовывать новые походы на Казань с целью посадить на престол своего ставленника Шаха-Али. Василий III подтвердил заключенным его воеводами мир с казанцами, передав, чтобы казанский хан следовал «слову», которое от его лица казанские старейшины дали первым воеводам судовой и конной ратей князю И. Ф. Бельскому и И. В. Хабару Симскому (Тихомиров, 1979. С. 164). Это отнюдь не означало, что Казань могла рассчитывать на реальную незамедлительную военную помощь Руси против ногайского вторжения или должна была оказывать со своей стороны военную помощь великокняжеским воеводам в войнах с противниками Василия III. Но, по крайней мере, вносило какую-то ясность в дальнейшие отношения Казани с Москвой и не давала основания ожидать появления под стенами Казани нового великокняжеского войска с попыткой посадить на престол московского протеже. Пафнютевский летописец несомненно был неплохо осведомлен об участии И. В. Хабару Симского в составлении мирного договора с казанской знатью (что перекликается с вышеуказанными данными разрядов о нахождении в конной рати невоенных лиц, дипломата и дьяка, явно ответственных за составление «докончальной» грамоты с Казанью), и что сражение на Итяковом поле началось с внезапной атаки татар (что опять же перекликается с вышеуказанными независимыми сведениями иных источников, согласно которыми казанцы первыми прибыли на поле бое и встретили там великокняжеских воевод). Но, принимая во внимание тенденциозные сомнительные сведения данного источника о намерениях великокняжеских воевод уничтожить Казанское ханство и о полном разорении ханства

ханом в Казани. Поскольку сведения КИ о двух воеводах казанского войска на Итяковом поле – князе Отуче и аталыке – не являются заведомо невероятными – им нет основания не доверять⁹. Остается пользоваться этими сведениями, как правдоподобными, держа при этом в уме, что они могут быть не совсем точными.

Источники определенно сообщают о победе русской стороны и не упоминают о длительном бое, лишь КИ второй половины XVI в. сообщает о трехдневной продолжительности сражения (ПСРЛ, 1903. Стб. 35). Но это стоит признать явным преувеличением. Ведь прочие источники не сообщают о том, что сражение было многочасовым и тем более затянулось больше чем на день, или сопровождалось длительным стоянием обеих войск. Впрочем, если учесть, что это литературное произведение превращает двухдневную казанско-ногайскую осаду Нижнего Новгорода 1505 г. в месячную (Илюшин, 2018. С. 38; Несин, 2019. С. 489) то ни удивляться, ни доверять его уникальным сведениям о длительных боевых действиях не приходится. Очевидно, сражение на Отяковом / Итяковом поле закончилось в тот же день, что и началось и его надо датировать одним днем.

К сведениям КИ о событиях 1524 г. в принципе стоит относиться с большой осторожностью. Русские походы на Казанское ханство 1523 и 1524 гг. она объединяет в один поход 1524. Так, поход на Казань 1524 г. объявлен первым за много лет (что верно только для похода 1523), а князь Борис Горбатый, по сведениям Хронографа редакции 1512 г. возглавлявший конницу в походе 1523 г. (Шмидт, 1951. С. 281), оказался главным воеводой в 1524 г. (ПСРЛ, 1903. Стб. 34). Опять же в 1524 г. русские войска якобы под городом не стояли ни одного дня, ограничившись разорением земель горной черемисы больше (ср.: ПСРЛ, 1903. Стб. 36) очень напоминает поход 1523 г до р. Цивили (Шмидт, 1951. С. 282) с большим черемисским полоном (ПСРЛ, 1853. С. 264; ПСРЛ, 1978. С. 14). В этой связи неудивительно, что в КИ смешаны не только 2 похода 1523 и 1524 г., но в одной судовой рати с князем Иваном Палецким оказываются Михаил Юрьевич с артиллерией (ПСРЛ, 1903. Стб. 35¹⁰, 248–249; ПЛДР, 1985. С. 346, 348), в связи с чем историки не пришли к единому выводу, о нападении черемисов на какую из русских флотилий по факту сообщается в КИ – на основную, под командованием князя И. Ф. Бельского (Кузнецов, 1999. С. 79; Кузнецов,

ногаями, надо весьма осторожно относиться к рассказу о потере Сафа-Гиреем всех своих людей по пути на казанский престол.

⁹ Н. В. Белов со ссылкой на Воскресенскую летопись, писал, что выходцы из Крыма и Ногайской Орды пришли к власти в Казани уже в 1530 г. (Белов, 2019. С. 211). Но в указанном источнике лишь отмечается, что к царю «пристали» «крымцы, нагаи» а также «тутошніе люди лихіе» (ПСРЛ, 1859. С. 275), то есть, казанцы, враждебные к московскому государю, однако не уточняется, что они это сделали «ныне», а не 6 лет тому назад.

¹⁰ Соловецкий список имен воевод лодейной рати опустил.

2002. С.234; Володихин, 2020. С. 216–218¹¹; Илюшин, 2021. С. 246–247), в которой, по данным разрядов и шел Михаил Юрьевич, командующий всей походной артиллерией (РК 1966, С. 69-70), или на вспомогательный судовой отряд князя Палецкого (Карамзин, 1819. С. 132–133; Соловьев, 1851. Стб. 1636¹²; Худяков, 1923. С. 92; Смирнов, 1948. С. 56–57. Примеч. 184; Бахтин, 1998. С. 72–74; Похлебкин, 2000. С. 105; Бахтин, 2001. С. 260–261; Котляров, 2005. 193–194; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 305–306; Бахтин, 2017. С. 77; Котляров 2017, С. 204–205; Белов, 2019. С. 208)¹³, доставлявший этой основной судовой рати под Казань провизию, на который по независимым сведениям С. Герберштейна, неоднократно нападали черемисы (Герберштейн, 1988. С. 177–178)¹⁴. Поэтому уже не приходится удивляться наличию в КИ явно фантастической версии о потонувшей в Волге не доходя до Казани всей осадной русской артиллерии, из-за чего воеводам якобы было не с

¹¹ Впрочем, по версии Д. М. Володихина, И. Ф. Бельский шел в другом отряде, после М. Ю. Захарьина. А в судовой рати князя Ивана Федоровича Палецкого не было – Палецкий в походе не участвовал, так как ему якобы по статусу не полагалось командовать полевыми соединениями, в КИ и в «Записках Герберштейна» так был по ошибке назван его двойной тезка князь Иван Федорович Бельский (Володихин, 2020. С. 216–218). Исследователь исходил из того, что Палецкий не упоминался в других источниках, прежде всего в разрядах. Однако в них названы воеводы основных сил, которые должны были брать Казань. А в «Записках» С. Герберштейна Иоанн Палецкий командует не основной, а вспомогательной ратью, доставлявшей под Казань провиант основной судовой рати и еще до соединения под Казанью конной и судовой ратей, стал возвращаться назад и снова попал в засаду черемисов (Герберштейн, 1988. С. 177–178). Таким образом в его обязанность не входило участие в осаде города. Поэтому его никак невозможно отождествить с Бельским, оставшимся под Казанью до снятия осады и заключившим мир с казанцами (ПСРЛ, 2000. С. 222; Тихомиров 1979, С. 164). Разумеется, Палецкий при этом не должен был быть удостоен упоминания в разрядах (как и другой некий начальник, снабжавший сидевшее под Казанью войско припасами «сухим путем», умерший от ран (Герберштейн, 1988. С. 177), которого Володихин не смог идентифицировать (Володихин, 2020. С. 218). Логичнее считать, что князь Палецкий участвовал в кампании в качестве начальника вспомогательной судовой рати, чем домысливать что оба источника независимо друг от друга спутали князя И. Ф. Бельского с человеком, не участвовавшим в походе и неуполномоченным никем командовать. (Другое дело, что ниже С. Герберштейн, как известно, ошибочно назвал подкупленного по слухам татарами снявшего осаду начальника Палецким (Герберштейн, 1988. С. 179). Похоже на то, что информатор Герберштейна допустил оговорку имея ввиду не князя Ивана Федоровича Палецкого, а другого князя Ивана Федоровича, первого воеводу князя Бельского, которого Василий III действительно подозревал в измене: по возвращению из похода, 20 сентября 1524 г. тот вынужден был за некий проступок перед государем, митрополитом и священным собором целовать крест и дать расписку в том, что он никогда не перейдет на службу к иноземному правителю и не будет иметь никаких сношений с иноземной знатью (СГГ, 1813. № 153. С.423–425). При этом, надо отметить, что в рассказе С. Герберштейна этот мнимый «Палецкий» с начальником вспомогательной флотилии «Иоанном Палецким» никак не отождествляется (Ср.: Володихин, 2020. С. 216)).

¹² По мнению И. И. Смирнова С. М. Соловьев включал войско Палецкого в состав основных сил и полагал, что Палецкий отделился от Бельского уже в Нижнем Новгороде (Смирнов, 1948. С. 57. Примеч. 184). В действительности С. М. Соловьев не писал о движении Палецкого в составе основной судовой рати, лишь отметив, что Палецкий должен был идти от Нижнего Новгорода вслед за «главным войском» (Соловьев, 1851. Стб. 1636). В этом смысле построения обоих ученых отнюдь не противоречат друг другу.

¹³ При этом, некоторые историки вовсе ограничиваются ссылками на С. Герберштейна, не упоминая сведения КИ о нападении черемисов на русскую флотилию (Волков, 2001. С. 75, 202. Примеч. 52; Свечников, 2014. С. 134–135).

¹⁴ Существует так же компромиссная версия И. Б. Михайловой, что отряд «грузовых кораблей» Палецкого от Нижнего Новгорода следовал в составе флотилии Бельского (Михайлова, 2015. С. 41–42). Но С. Герберштейн наиболее обстоятельно рассказывающий о злоключениях Палецкого относит их уже к тому времени, когда основная судовой рать стояла под Казанью (Герберштейн, 1988. С. 177–178), а в КИ Иван Палецкий указан именно как первый воевода судовой рати, а не командир идущего в ее составе вспомогательного отряда (ПСРЛ, 1903. Стб. 248; ПЛДР, 1985. С. 346). Поэтому в КИ налицо смешение 2-х флотилий князей Палецкого и Бельского в одну.

чем приступить к городу (ПСРЛ, 1903. Стб. 35–36) что прямо противоречит независимым сведениями С. Герберштейна и Постниковского летописца (ПСРЛ, 1978. С. 15¹⁵; Герберштейн, 1988. С. 178), согласно которым русские войска обстреливали Казань из пушек / били по городу¹⁶.

Также крайне осторожно следует отнестись к сведениям КИ о том, что в ходе сражения на Итяковом поле конные победители преследовали казанцев до Волги и те утопи в Волге (ПСРЛ, 1903. Стб. 36). Ни один источник не привязывает сражение к Волге и при этом о многокилометровой погоне русской конницы за казанцами не сообщает. Тем более что Постниковский летописец отмечает, что татары потонули в той же Свияге (ПСРЛ, 1978. С. 14). Пафнугьевский летописец, сравнивающий это сражение с Куликовской битвой, в то же время не упоминает о многокилометровом преследовании татар, более того, русские воеводы для того, чтобы многих из них побить и некоторых из них взять в плен, не гонялись за ними, а только «начат женутся по них» – начали гоняться за ними (Тихомиров, 1979. С. 163). Это скорее следует понимать, как отсутствие продолжительной погони, и, возможно фактически как избиение на месте казанской пехоты русскими конниками. Впрочем, в повествовании КИ вероятно можно усмотреть аллюзии на Пространную летописную повесть о Куликовской битве: великое поле (которое в окрестностях Свияги отсутствует) и преследование татар до другой реки (в данном случае, конечно, не до Мечи, а до Волги) (Ср.: ПСРЛ, 1903. Стб. 35–36; Воинские повести Древней Руси 1985, С. 185–186). Вероятно, автор КИ в соответствии с Пространной летописной повестью о Куликовской битве тоже представлял казанское войско примерно стопятидесятитысячным, так как указал аж 42 000 павших в бою казанцев (ср.: ПСРЛ, 1903. Стб. 36; Воинские повести Древней Руси, 1985. С. 181)¹⁷. Конечно, это число надо признать явно завышенным. Как, впрочем, и сведения Волоколамского летописца об участии в сражениях 20 тысячах избранных (отборных) татар (РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 141) (не ясно, считая или не считая марийский и чувашский

¹⁵ Аналогичный текст есть о данной кампании в Вологодско-Пермской летописи (ПСРЛ, 1959. С. 312), но там он приведен в сокращенном виде, к примеру, опущены упоминания конной рати и р. Свияге, что приводит к искажению смысла рассказа: получается что многих татар с Божьей помощью побили уже якобы не на Свияге, а под Казнью.

¹⁶ Поэтому-то в историографии остается открытым вопрос, про злословие какой из флотилий по факту идет речь КИ: несомненно, что если рассказ о потере осадной артиллерии, как-то отражает реальные события, относится к основной рати князя И. Ф. Бельского (Илюшин, 2021. С. 246–247), а поскольку артобстрел Казани все-таки состоялся, версия КИ об утрате русским войском всех осадных орудий является если не полным художественным вымыслом, то сильно преувеличенной. Поэтому для того, чтобы твердо признать историческим фактом нападение черемисов на флотилию князя Бельского и потерю ей какой-то части осадной артиллерии, пожалуй, недостаточно ограничиться путанным и недостоверными известиями КИ, а требуется найти дополнительный источник с независимыми сведениями об этих событиях.

¹⁷ Близкую к КИ оценку приводит и, судя по всему, опирающаяся на ее текст «Скифская история» А. И. Лызлова, упоминая убитых более 40 тысяч татар и еще 37 князей и мурз (Лызлов, С. 58, 418–419). Последняя цифра, впрочем, не выглядит фантастической.

контингенты), несмотря на то, что эти летописные оценки некритически используют некоторые современные исследователи (Бахтин, 1998. С. 74; Бахтин, 2001. С. 261; Волков, 2001. С. 74, 202. Примеч. 50; Бахтин 2012, С. 222; Бахтин, Хамидуллин, 2014. С. 307; Бахтин, 2017. С. 77). Ясно, что казанцы собирали небольшие силы быстрого реагирования из сравнительно немногочисленных отборных бойцов, способных действовать слажено и стремительно. У казанцев, узнавших о приближении русской конницы Хабар Симского уже не раньше июля, стояла задача прибыть на Итяково поле раньше противника и там его внезапно атаковать. К тому же значительная часть казанцев должна была оставаться оборонять город от стоявшей рядом в остроге судовой рати князя И. Ф. Бельского, и на Итяково поле выступила от силы половина конницы плюс ополчения черемисов и чувашей, а как было показано, общая численность боеспособных людей ханства вряд ли доходила до 20 тысяч (Илюшин, 2021. С. 60–70). Напомним, что по произведённым выше расчётам и русская конница могла насчитывать только до 7,5 тыс. воинов. Думается, с обеих сторон в сражении приняли участие около 10–12 тыс. человек. Масштаб, в общем-то, как у реальной Куликовской битвы, но не мифологизированной. Для своего времени и это была крупная битва. Кстати, сам характер передвижения по казанской территории вероятно косвенно говорит о значительном (и ожидаемом) численном перевесе русской конницы: как хорошо известно по литовским войнам, в XVI в. для русской стратегии характерно избегание крупных полевых сражений, а в походе воеводы непременно рассылали разъезды для проведывания значительных сил противника, дабы избежать «прямого дела», на которое шли только в крайнем случае и при уверенности в своей силе. Тут же конница шла без разведки (почему и наткнулась на неприятеля у Свияги), не опасаясь татар. Может быть И. В. Хабар Симский не надеялся встретить большое войско, ожидая, что противник будет сосредоточен на обороне Казани от судовой рати князя И. Ф. Бельского. Можно согласиться с оценками Б. А. Илюшина, согласно которым казанское войско составляло разве что отдельные тысячи, а не десятки тысяч воинов (Илюшин, 2021. С. 250). И убитые в сражении казанцы исчислялись не десятками тысяч, а максимум сотнями.

В первой половине XX в. на старинном татарском кладбище у д. Малая Атна, что находится в 50 км к северо-востоку от исторического центра Казани (в совр. Атинском районе), была обнаружена могила человека, погибшего, видимо, в бою с русскими ратниками в 1524 г. (неясно, правда, на Отяковом поле или уже под Казанью). Эпитафия на надгробье гласит: «Тарих токуз йуз отузда Рамазан айында Ябынчы Табын Ак-Булат урус килге(нде) шахид булды. Нур Аллах кабир» («В 930 [году] в месяц Рамазан, Ябынчы Табын Ак-Булат, когда пришли русские, стал шахидом [мученически погиб за веру]. Да осветит Аллах [его] могилу»). Дата по Хиджре соответствует июлю-августу 1524 г. (Мухамедьяров,

2012. С. 122; Илюшин, 2021. С. 259). К сожалению другие сведения о потерях казанцев отсутствуют, хотя они должны были быть немалыми.

Неясно, где находилось Итяково поле. Надо отметить, что источники привязывают сражение к Свияге, а не к свияжскому устью и не к Волге. По сведениям официального великокняжеского летописания, сражение на Свияге всего лишь в 20 верстах от Казани (ПСРЛ, 1859. С. 270; ПСРЛ, 1910. С. 44). Оно повторено так же в частной поздней разрядной книге 1475–1605 г. (Разрядная книга, 1977. С. 190) (уже, впрочем, замеченной мной недавно на заимствованиях из Воскресенской летописи (Несин, 2022. С. 44; Несин, 2022а. С. 117) и в Продолжении Хронографа редакции 1512 г., почти дословно повторяющих рассказ великокняжеского хрониста об этой битве (Шмидт, 1951. С. 282). Но в великокняжеском летописании нет никакой привязки даже к Итякову полю. Похоже на то, что великокняжеский хронист, толком не зная место сражения, для ясности указал расстояние по прямой от устья Свияги до Казани, равнявшееся около 30 км или 20 путевым верстам. В XVI в. верста равнялась полутора км. Вот как описывается в разрядах, к примеру, отданное в 1557 г. Иваном IV распоряжение о постройке укреплений в устье Нарвы и Рассони в 15 км от Ивангорода: «Тово же году царь и великий князь велел поставить город на усть Руганы и Неровы реки на море для бусного приходу заморских людей в Ноугородцкой земле от Ивана города десять верст. А воеводы были для береженья князь Дмитрий Семенович Шестунов да Петр Петров сын Головин, а ставил город Иван Григорьев сын Выродков». Делим 15 км на 10 верст и получаем 1,5. Такие же версты можно найти в Новгородской II (Архивской) летописи. Под (7076) 1567 г. Веряжский Ям (Сергово) расположенный почти в 30 км. от В. Новгорода указан как находившийся в 20 верстах (ПСРЛ, 1841. С. 162). А в понедельник 29 октября 7080 (1571 г.) умерших от эпидемии новгородцев было велено возить «на деревню на Водопьяново за шесть верст по Волхову вниз». (Там же. С. 169). Деревня Водопьяново располагалась на правом берегу Волхова примерно в 9 км. от В. Новгорода. О ней напоминает одноименное озеро. Сама же деревня располагалась чуть выше по течению Волхова, на речной излучине. Опять же получаем примерно полуторакилометровую версту. Таким образом, верста московских разрядов и новгородского летописания второй половины XVI в. равнялась приблизительно 1,5 км. Поскольку источники не привязывают само место сражения ни к устью Свияги, ни к Волге, думается, что расстояние 20 верст до Казани могло быть достаточно условно и фактически относится не к самому месту битвы. Интересно, что осенью 1467 г. столкновение великокняжеских войск с татарами произошло на берегу Волги рядом с устьем Свияги (ПСРЛ, 2000. С. 186–187). То есть, там проходила дорога на Казань и устье Свияги могло использоваться в качестве ориентира для оценки расстояния от Свияги до Казани. А само сражение на Итяковом поле 28 июля 1524 г., вероятно, было не у Волги и

свияжского устья, а выше по течению Свияги. Ни один источник, упоминающий Итяково поле и интересующее нас сражением на нем, не дают привязки к устью Свияги или к Волге.

Надо отметить, что источники расходятся в сведениях о том, на какой стороне Свияги был бой. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. (в целом дословно повторяющее повествование великокняжеского летописания о сражении) добавляет, что русские с казанцами встретились на этой стороне Свияги (Шмидт, 1951. С. 288), то есть, левой, западной, ближней к Руси, а не к Казани, стороне реки. Правда, неясно, опирался ли летописец на какие-то уникальные сведения (из которых узнал дату битвы 28 июля). Или просто не имея сведений о форсировании русской конницей Свияги, рассудил, что бой в таком случае, был на этой стороне. Согласно КИ, русская конница вышла к Свияге на поле (ПСРЛ, 1903. Стб. 35). Что тоже явно подразумевает ближнюю к Руси левую западную сторону реки. В то же время по Герберштейну великокняжеская конница перед сражением переправилась через Свиягу (Герберштейн, 1988. С. 178). То есть, по его версии, бой был на правой, ближайшей к Казани восточной стороне реки. Там Герберштейн отмечал две «встречи» великокняжеской конницы с татарами, но при этом сообщал об одном «столкновении», окончившемся отступлением татар (там же), то есть, писал не о двух баталиях, а об одном сражении с двумя схватками. Неудивительно, что историки не пришли к единому выводу о том, где произошло интересующее нас сражение. В историографии высказывались разные версии о месте Итякова поля. Например, М. Г. Худяков его локализовал близ с. Утяково Свияжского уезда (Худяков, 1923. С. 93) В. В. Похлебкин тоже полагал, что Итяково поле находилось «у села Утякова», правда, перепутав левый «берег Свияги», на котором расположена эта деревня, с «правым» (Похлебкин, 2000. С. 105). К аналогичным выводам пришел А. Г. Бахтин, помещая Итяково поле на современном открытом пространстве между р. Свиягой и оз. Травным близ указанной деревни Утяково, которая ныне относится к Зеленодольскому району республики Татарстан (Бахтин, 2017. С. 79. Примеч. 65). Также были высказаны версии о расположении Итякова поля либо где-то близ устья реки Свияги (Белов, 2019. С. 204, 207), либо в самом устье – не то в районе Свияжска и некоего волжского острова (Акты Российского государства, 1998. С. 432) (публикаторы не ссылаются на упоминания такого острова в источниках и нам его тоже найти не удалось), не то непосредственно на месте самого будущего г. Свияжска (Алишев, 1995. С. 48). В то же время Б.А. Илюшин высказал версию о локализации Итякова поля на левой стороне Свияги близ деревни Кулганы Апастовского района республики Татарстан, где, по преданию, были похоронены татарские военачальники, погибшие в сражении с русскими. Поскольку надёжных сведений о других значительных русско-казанских баталиях на Свияге нет, а эта местность находилась на пути к перевозу через Волгу и рядом есть

небольшой лес, а татарское слово «итэк» как раз может означать «край леса», т. е. Итяково поле, «поле на краю леса», ученый предположил, что именно тут было сражение 1524 г. (Илюшин, 2021. С. 251). Другое дело, что кроме сражения на Итяковом поле на Свияге в ходе русско-казанских войн в XVI в. имели место и другие кровопролитные события. Например, в 1545 г. русские судовые рати побили на «Свияге» многих казанских людей, взяли в плен казанского мурзу Муртозу с сыном, а жену и прочих детей убили (ПСРЛ, 1965. С. 46). Это тоже могло лечь в основу сюжета указанного татарского придания.

Вместе с тем, следует отметить, что никто из исследователей сражения на Итяковом поле не обратил внимание на приведенный в Никоновской летописи перечень станов Ивана IV в походе на Казань 1552 г. Согласно нему, 18, 19 и 20 станы государя были на Карле, Буле, Бее (Бии) – левых притоках Свияги, 21 стан располагался на Итяковом поле, откуда Иван IV пошел к Свияжску и пришел в него 13 августа в субботу¹⁸, а оттуда стал «перевозиться» (переправляться) через реку (ПСРЛ, 1904. С. 200–201). Вероятно, царь во многом придерживался обычного маршрута в русских конных войск на Казань в XV–XVI в., делая крюк к югу и поворачивая на север вдоль Свияги, двигаясь вдоль левого берега реки до ее устья. Осенью 1467 г. великокняжеские войска вышли к Волге на устье Свияги (ПСРЛ, 2000. С. 186–187), летом 1524 г. казанцы знали, где встретить великокняжескую конную рать воеводы Хабары Симского – на берегу р. Свияги на Итяковом поле, между устьем р. Бии и Свияжском. Летом 1530 г. «Казанские люди», совершавшие неоднократные нападения на идущую к Казани великокняжескую конницу (ПСРЛ, 1859. С. 273; ПСРЛ, 1904. С. 47), на Свияге захватили в плен Ивана Михайловича Кляпикова (ПСРЛ, 1959. С. 314); неизвестно, произошло ли это на Итяковом поле, или в другом месте, но понятно, что путь русской конной рати к Казани в то лето тоже пролегал вдоль Свияги. Надо полагать, что указанные сведения о станах Ивана IV, не характерные для летописания, опирались на разрядную документацию типа походного дневника и, таким образом, носят документальный характер. Из них очевидно, что Иван IV следовал по левой стороне Свияги, пересекая левые притоки, Карлу, Булу и Бию и переправился на правую сторону уже в самом устье, через крепость Свияжск. Таким образом, Итяково поле (на котором с 12 на 13 августа 1552 г. находился 21 стан Ивана IV) определено располагалось на левой стороне Сви́ги, в низовьях реки ниже устья Бии, но в то же время выше Свияжска: расстояние между Бией и Свияжском составляет порядка 60 км., что нетипично для интервалов между стоянками Ивана IV в этом походе, к тому же большая часть пути от Итякова поля до Свияжской крепости проходила вдоль Свияги по суше: с Итякова поля Иван IV «пошел» и «пришел» в Свияжск, а не

¹⁸ Как видно по перечню станов Ивана Грозного, Итяково поле находилось к Свияжску гораздо ближе, чем д. Кулганы (прим. Б. А. Илюшина).

«перевозился» в него. Поэтому Итяково поле стоит поискать на левом берегу р. Свияги ниже устья р. Бии, но выше Свияжска. В этой связи стоит обратить внимание на то, что в низовьях р. Свияги примерно на полпути между устьем р. Бии и Свияжском в XVI в. писцовая межевая книга города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина 1565–1567 гг. отмечает три села Итякова (список писцовой межевой книги 1565–1567 гг., 1909): Большое Утяково / Итяково (совр. Городище), а также Малое и Новое Итяково на Свияге (ныне Утяково и Чулпаниха на левом берегу и у правого берега Свияги). Этимология этих топонимов не вполне ясна. Не исключено, что названия этих населенных пунктов и Итякова поля восходили к личному мужскому татарскому имени Итяк. Не в этих ли краях, на левой стороне реки в окрестностях деревень Городище и Утяково (бывших Большое и Малое Итяково) стоит поискать Итяково поле? В таком случае ближе к истине оказываются М. Г. Худяков и А. Г. Бахтин с той оговоркой, что за 500 лет ландшафт мог измениться и уверенно привязывать историческое Итяково поле к обозначенному Бахтиным современному открытому пространству можно будет только после будущих палеопочвоведческих изысканий (рис. 2).

Каково значение этой битвы? Безусловно, конница И. В. Хабарова Симского одержала победу в полевом сражении над казанцами. Русские летописи сообщают только о побитых казанцах, не упоминая о потерях с русской стороны. Правда, синодик XVII в. упоминает 24 павших на Свияге служилых человек – это не просто более чем в два раза (ср.: Белов, 2019. С. 206), а почти в 5 раз превышает число погибших при осаде самой Казани (5 человек), перечисленных в этом источнике (Древняя российская вивлиофика, 1788. С. 465–466).

	Погибшие на Свияге под Казанью	Павшие под Казанью.
1	Федор Иванович Козлов Морозов	Иван Иванов сын Клушин Белеутов
2	Иван Иванович Сназин Арап	Истома Гаврилов сын Неплюев
3	Григорий Васильев сын Кокошкин Глебов	Андрей Михайлов сын Лазарев
4	Злоба Иванов сын Наумов	Косма (Кузьма) Константинов сын Бурмасов
5	Григорий Тютков сын Лихарев	Василий Шушпан, рязанец
6	Яков Максимов сын Елагин	
7	Стефан Романов сын Креев	
8	Иван Иванов сын Борисов Трофимов	

9	Петр Иванов сын Шетнев	
10	Борис Федоров сын Новокрещенов	
11	Андрюша Судолов сын Линева	
12	Алеша Сомов сын Линева	
13	Василий Васильев сын Малечкин	
14	Митя Семенов сын Татищев	
15	Михаил Опадев	
16	Судак Андреев сын Огарев	
17	Федор Васильев сын Селиванов, рязанец	
18	Илья Михайлов сын Бешеный, рязанец	
19	Матфей Юров (Юрьев) сын Андауров, рязанец	
20	Андрей Котух Иванов сын Семенов, рязанец	
21	Андрей Семенов сын Кутяков	
22	Косма (Кузьма) Григорьев сын Лоткев	
23	Полуэкт Прокопьев сын Коротнев	
24	Его сын Александр	

По специальному упоминанию рязанцев можно предположить рязанское происхождение данного синодика (как в случае с более ранним синодиком по погибшим под Казанью в 1506 г., где перечисляются в основном вологодцы). Другое дело, что не все погибшие относятся к рязанцам. Так, Г. Тютков сын Лихарев был из коломенских помещиков (Бенцианов, 2019. С. 183, 334, прим. 548). Кроме того, известно о гибели «на Итякове» Быка Григорьева сына – одного из новгородских помещиков Аничковых (помечено, что он бездетен) (Акты Российского государства, 1998. С. 432; ПСРЛ, 1904. С. 301). По сведениям С. Герберштейна, в этом сражении понесли большие потери обе стороны, а не только татары. При этом Герберштейн также безоговорочно сообщает о победе русской стороны: «татары отступили, и (русская) конница соединилась с остальным войском» (Герберштейн, 1988. С. 178). В Волоколамском летописце рассказ о сражении на Свияге торжественно начинается с красной буквы (как начала погодных записей). Определённо,

книжник считал этот бой важным для кампании: победив казанское войско на Свияге, великокняжеская конная рать смогла соединиться с судовой ратью под Казанью и подступить к городу / начать штурмовать город, вынудив казанцев просить мира (РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 141). При этом описанием боевых действий под Казанью хронист уже не стал заниматься, резюмировав, что воинству великого князя всегда помогал Бог. Таким образом, победа русской конницы Хабара Симского дала возможность ей прийти под Казань и там соединиться с судовой ратью князя Бельского.

Действующий казанский хан, юный Сафа-Гирей этим летом был вынужден заключить с русской стороной мир¹⁹. Поскольку источники не упоминают о многодневной осаде Казани после соединения у города конной и судовой ратей, начавшаяся 15 августа осада города была снята до конца месяца; тем более, что уже не позднее 20 сентября главный воевода И. Ф. Бельский вернулся в Москву (СГГ, 1813. № 153. С. 423, 425), а источники не упоминают примеров прохождения войсками пути от Казани до Москвы быстрее, чем за месяц. Официальный великокняжеский хронист представляет это таким образом, что русские конная и судовая рати, сойдясь, стали приступать к городу, побили многих татар, и те, видя свое изнеможение, попросили мира и дали шертную грамоту на всех условиях Василия III (ПСРЛ, 1859. С. 271; ПСРЛ, 1910. С. 44)²⁰. Правда, неясно, было это в действительности обусловлено прибытием под Казань русской конницы или нет – Герберштейн упоминает о том, что у казанцев до этого сгорел кремль (Герберштейн, 1988. С. 177), что перекликается со сведениями Волоколамского летописца о сгоревшем с понедельника на вторник (с 4 на 5 июля) городе (РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 140 об). Надо полагать, что сгорел не русский острог, а казанский кремль, так как русский острог последовательно упоминается в этом источнике именно как острог (Там же. Л. 140 об. – 141). Конечно, о полном сожжении кремля говорить не приходится, так как город не пал. Но, тем не менее, вполне возможно, что казанская крепость понесла серьезные повреждения, и у казанцев вне зависимости от прихода к городу русской конницы был резон в августе пойти на переговоры. Однако, казанский хан Сафа-Гирей так и остался на престоле, а московский ставленник Шах-Али не получил казанский трон. Поэтому в целом этот поход на Казань не был удачным для русской стороны:

¹⁹ Д. М. Володихин полагает, что победа в этом сражении имела тактическое значение – спасла находившуюся в остроге под Казанью судовую рать от верной гибели (Володихин, 2020. С. 216, 218). А. Г. Бахтин также считает, что победа конной рати на Итяковом поле спасла находившиеся под Казанью войска от уничтожения (Бахтин, 2017. С. 77). На сей счет можно только гадать: судовая рать успешно отбивалась в остроге от казанцев (РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 140 об. – 141), а вот если бы она не дождалась конницы, то смогла бы она благополучно выйти из острога к кораблям и уйти восвояси или нет, неясно.

²⁰ В составленной в XVII в. частной разрядной книге 1475–1605 гг. ошибочно утверждается о воцарении в Казани Шах-Али: «тогда бояре и воеводы царя Шиголея посадили на царство в Козани» (Разрядная книга, 1977. С. 191). Вероятно, поздний писец, заимствовавший из великокняжеского летописания сведения о принесенной татарами шерти, рассудил, что тем не иначе как пришлось принять на царство московского ставленника Шах-Али.

главная цель кампании (возведение на казанский трон московского протезе) не была достигнута. Прочного мира с Казанью также добиться не удалось – уже в конце 1520-х гг. снова началась война.

В этой связи историки со времен С. М. Соловьева (Соловьев, 1851. Стб. 1637), за отдельными исключениями, справедливо считают, что поход на Казань был неудачным для русской стороны. Разве что А. И. Филюшкин считает, что война закончилась в пользу России, поскольку Василий III в обмен на признание казанским ханом Сафа-Гирея перенес ярмарку из Казани в русский город Нижний Новгород (Филюшкин, 2010. С. 268). Впрочем, по факту речь шла не о реальном закрытии рынка в Казани, а всего лишь о запрете Василия III русским купцам приезжать в Казань (Тихомиров, 1979. С. 164; Герберштейн, 1988. С. 179), на торговцев из других стран это не распространялось. Поэтому рассуждения о том, что от переноса ярмарки Казанское ханство потерпело больше убытков, чем Русь представляются неверными (ср.: Волков, 2001. С. 75; Волков, 2004. С. 93). Известно, что от «такого перенесения ярмарки Московия претерпела ущерб не меньший, чем казанцы, так как следствием этого явились дороговизна и недостаток очень многих товаров, которые привозились по Волге от Каспийского моря с астраханского рынка, а также из Персии и Армении, в особенности же превосходной рыбы, в том числе белуги, которую ловят в Волге выше и ниже Казани» (Герберштейн, 1988. С. 179). Не исключено, что Василий III вынужден был пойти на этот экономически убыточный для Руси шаг во избежание повторения событий лета 1505 г. когда казанцы по приказу своего хана Мухаммед-Эмина избили русских купцов в Казани. В таком случае можно ли однозначно говорить об удачном для Руси окончании войны, если великий князь не мог гарантировать безопасность своих подданных в ханской столице и не был уверен, что может их защитить от произвола со стороны казанских властей? Кроме того, опровергнуть представления о неудачном для Руси итогах похода попытался Н. В. Белов (Белов, 2019. С. 210–211). Исследователь прежде всего сослался на неаргументированное мнение И. Б. Михайловой, что «военные кампании 1523 и 1524 гг. имели существенное значение для укрепления восточных границ России, усиления ее влияния во взаимоотношениях с Турцией, Крымом, Казанским ханством, возвращения последнего «под руку» московского государя». Однако, Михайлова в той же статье отмечала, что русское войско не восстановило московский протекторат над Казанью (Михайлова, 2015. С. 43). Это надо признать справедливым: оставление на казанском троне ставленника крымского хана Саадет-Гирея Сафа-Гирея явно шло в разрез установленной со времен Ивана III традицией назначения казанских ханов государями вся Русь. Нет никаких надежных данных о том, что с 1524 г. казанцы оставались обязанными соблюдать другие важные условия прежнего московского протектората: платить дань (Бахтин, 2001. С. 190, Илюшин,

2022. С. 80; Несин, 2024. С. 94), пошлины (См: Котляров, 2005. С. 148–149; Котляров, 2010. С. 25; Илюшин, 2022. С. 79, Несин, 2024. С. 94–95. Прим. 30) и участвовать в московских военных походах (Сб. РИО, 1884. № 30. С. 115; Сб. РИО, 1892. № 71. С. 335; Зимин, 1950. С. 13; ПСРЛ, 1982. С. 50, 97; ПСРЛ, 2004. С. 332). О каком укреплении восточных границ России и укреплении ее влияния на Казанское ханство, и тем более возвращении его под власть московского государя в этой связи есть основания безоговорочно утверждать? Даже устройство в 1523 г. маленькой крепости Васильгорода на казанской стороне р. Суры трудно однозначно охарактеризовать как значительное укрепление рубежей, хотя Митрополит Даниил заявлял, что великий князь «тѣмъ городомъ всю землю Казанскую возьметъ», а русский посол в Литве Григорий Загрязский должен был говорить, что этот город был поставлен для того, чтобы государю из него было «ближе съ Казанью свое дѣло дѣлати, людемъ бы егоближе ходити къ Казани» (Акты, 1836. № 172, С. 144; Сб. РИО, 1892. № 96. С. 682). Н. В. Белов в указанной работе воспринял данные заявления некритически и заключил, что, «теперь в распоряжении Василия III был надежный плацдарм для дальнейшего наступления на Казань» (Белов, 2019. С. 205, 229. Примеч. 169). Однако, по оценке Н. Ф. Демидова, «последующія событія нас убѣждаютъ, что увѣренія этихъ вельможъ были не вполне основательны» (Демидов, 1884. С. 14–15). Действительно, маленькая крепость у слияния р. Суры и Волги не стала базой русских походов на Казань и даже не выставляла отряды для участия в них. О каком плацдарме в этой связи может идти речь? Как ныне отметил С. К. Свечников, «состоявшийся уже в следующем 1524 г. крупномасштабный поход показал, что форпост в устье Суры построен слишком далеко от Казани (238 км по Волге), и рассчитывать на него бесполезно. В частности, нагруженная в Нижнем Новгороде припасами флотилия И. Ф. Палецкого, стала лёгкой добычей черемис, устроивших две засады где-то между Васильгородом и Казанью.... Примечательно, что в источниках нет ни единого упоминания о Васильгороде в связи с походами на Казань в 1524 и 1530 гг. По словам П. В. Чеченкова, в Васильгород назначались воеводы невысокого статуса; лишь с 1546/47 г. в условиях нового наступления на Казань статус назначаемых в Васильгород военачальников стал повышаться. Однако и в этот период опорой наступательной политики Ивана IV оставался Нижний Новгород. Впервые о Васильгороде как базе снабжения сообщается под 1549 г. в разрядных книгах. При этом (возможно, из-за слишком больших объемов припасов) «казанского запаса берегли» не в самой крепости, а «за городом». Не исключено, что эти запасы хранились в складских помещениях Сурского торгового ряда. Зимой 1549/50 г. состоялся очередной поход русских войск на Казань, который вновь оказался безуспешным во многом из-за оторванности от баз. После этого похода, как известно, было принято решение основать крепость в непосредственной близости к Казани – Свияжск. Так Васильгород

утратил даже номинальный статус передового русского укрепления в казанском направлении. Васильгород не проявил себя и в качестве оборонительного форпоста. Казанские войска обходили его стороной; в источниках нет ни единого упоминания нападения на него. Васильгорода нет и в приведенных в Никоновской летописи списке городов, опустошённых казанцами в 1535–1545 гг.» (Свечников, 2024. С. 29). Как пограничный разведывательный пункт Васильгород был тоже малоэффективен и даже в единственном известном случае разведывательной деятельности местных воевод, в 1552 г. расследование выявленного ими происшествия было поручено не им, а воеводам Свияжска (там же, С. 32–33). Таким образом, при внимательном анализе источников видно, что ни надежным плацдармом для дальнейшего наступления на Казань, ни «надежным оплотом русской военной силы на восточном «казанском» рубеже» (Белов, 2019. С. 205; Белов, 2021. С. 128) этот город не стал. Зато, по-видимому, оценки И. Н. Берсена Беклемишева и С. Герберштейна, что его основание обострило отношения с казанцами (Акты, 1836. № 172, С. 144; Герберштейн, 1988. С. 134), в известной мере оказались верны (Свечников, 2024. С. 27)).

Также Н. В. Белов ссылается на утверждение итальянца Паоло Джовио, писавшего в 1525 г. со слов русского посла Дмитрия Герасимова, что казанцы повинуются московитскому государю и иногда по его усмотрению избирают себе правителя. Но Василий III в принципе распространял в западных странах недостоверные сведения о результатах похода 1524 г. Как отметил Б. А. Илюшин, весной 1525 г. посол в Литву [Федор Афанасьев] должен был «откровенно врать» насчёт итогов прошлогодней кампании (Илюшин, 2021. С. 265). По наказу государя ему следовало говорить так: «которые лихіе люди въ Казани государю нашему измѣнили, и государь нашъ къ Казани посылал воевод своих и лихих достав, государь наш велел казнити. А царя [Сафа Гирея] государь нашъ на Казани посадилъ из своихъ рукъ потомъ ужъ, какъ государь нашъ князь великій Иванъ и государь нашъ великій Василей сажали на Казани напередъ того царей изъ своихъ рукъ» (Сб. РИО, 1892. № 98. С. 695). Разумеется, все это не соответствовало действительности: великокняжеские воеводы не смогли посадить на казанском престоле ставленника Василия III Шаха-Али и великому князю пришлось с этим смириться. О казнях основных противников Василия III тоже говорить не приходится: город не был взят. Столь явная дезинформация определенно свидетельствовала о неудовлетворенности Василия III итогом войны (к слову, это, пожалуй, первый случай в отечественной истории, когда власть изображала результат кампании столь превратно). Это возвращает нас к традиционной оценке похода 1524 г. как неудачного для русской стороны. Ясно, что Василию III не удалось восстановить над Казанью прежний московский протекторат. Стоит также обратить внимание на любопытную концовку рассказа Волоколамского летописца об этом походе: казанцы бьют челом великокняжеским воеводам

на условиях Василия III, вместе с тем, воеводы великого князя Василия Ивановича возвращаются не здоровы все, как обычно говорится в летописях, а «поздорову (!) всѣ» (РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 141–141 об). Быть может, летописец, отдав дань официальной московскую версии о победе русской стороны, все же дал понять, что великокняжеские воеводы были вынуждены уйти из-под Казани подобру-поздорову, не налагая на казанских татар никаких серьезных обязательств по отношению к Василию III? О том, что выражение «поздорову» употреблялось в XVI в. в значении «подобру-поздорову» наглядно свидетельствует приведенная в КИ речь казанцев, обращенная к воеводам преемника Василия III, Ивана IV: «Отступите прочь отъ града нашего поздорову, безумныя воеводы московскія, другіи же градъ Свияжскіи дайте намъ...» (ПСРЛ, 1903. Стб. 96; ПЛДР, 1985. С. 439. Перевод Т. Ф. Волковой).

Не послужили ли одной из причин такого итога войны понесенные русской конницей потери в сражении на Итяковом поле? Поэтому значение этого сражения для данной кампании в настоящий момент трудно оценить однозначно. 8 августа 1524 г. русская конница И. В. Хабарова Симского определенно одержала победу над казанским войском в сражении на Итяковом поле. Но не исключено, что эта победа в каком-то смысле являлась Пирровой.

Ипріи^х
 раггысо^нма^анар^ѣко^успіаг^у.
 ипріи^хдоша^ако^зан^ци^из^ера^и
 ны^тпо^ттар^ьѣ. и^бы^бон^ис^ь
 та^зла. и^по^жѣ^ѣпо^ес^ор^да^в
 ли^са^го^ис^нз^а. па^ттар^ьм^но^гы^х
 по^би^ли^аи^ины^хр^дс^ами^по^им^а
 ли. и^пр^ис^ла^ли^сп^ии^со^мѣ^сна
 з^юна^мо^ск^оу. б^он^ым^ца^аш^а
 а^за^нѣ^ло^до^ст^ож^ик^ад^ии^пр^и
 с^тѣ^бы^сь^гр^ад^ок^он^ны^со^до^п
 пы^за^нѣ^сѣ^шли^са^ис^аи^со^нма^ара^а
 с^ьс^од^опо^ю. и^пр^из^ѣѣ^по^мо^гаш^е
 ро^ин^ьс^тѣ^бы^сь^гр^ад^ок^он^ны^со^до^пы^за.

Рис. 1. Фрагмент рукописи Волоколамского летописца о бою на Итальяковом поле (РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 141).

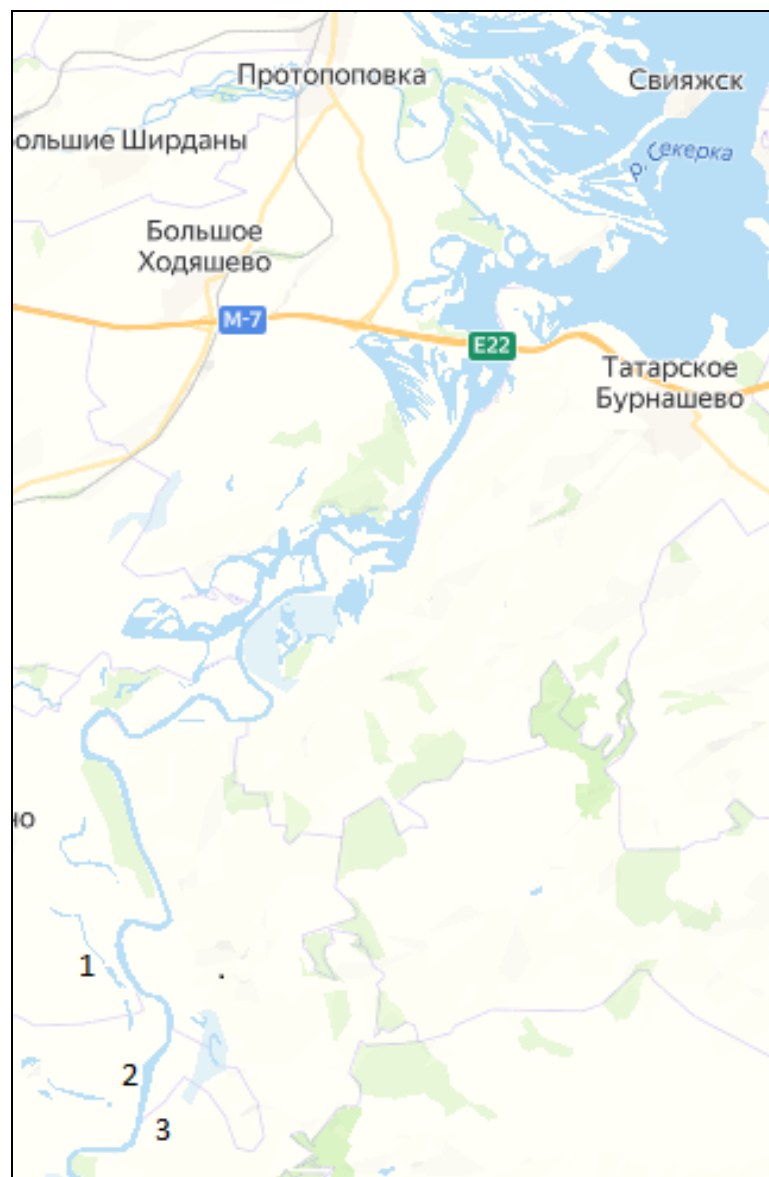

Рис. 2. Схема расположения 3-х Итяковых сел в XVI в.
 1 - Большое Утяково / Итяково (Городище); 2 - Малое Итяково (Утяково);
 3 - Новое Итяково (Чулпаниха)

Приложение 1.

Публикация рассказа погодной записи Волоколамского летописца за 7032 (1524) г., содержащей рассказ о русском походе на Казань 1524 г. и о сражении великокняжеской конницы с казанскими татарами на р. Свияге

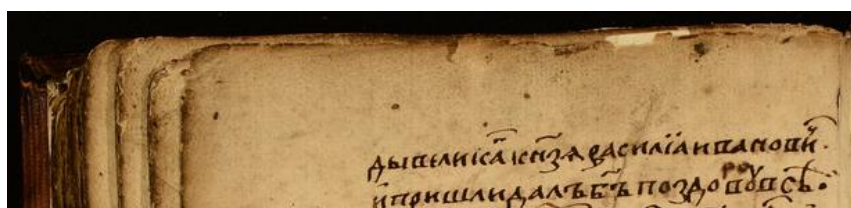
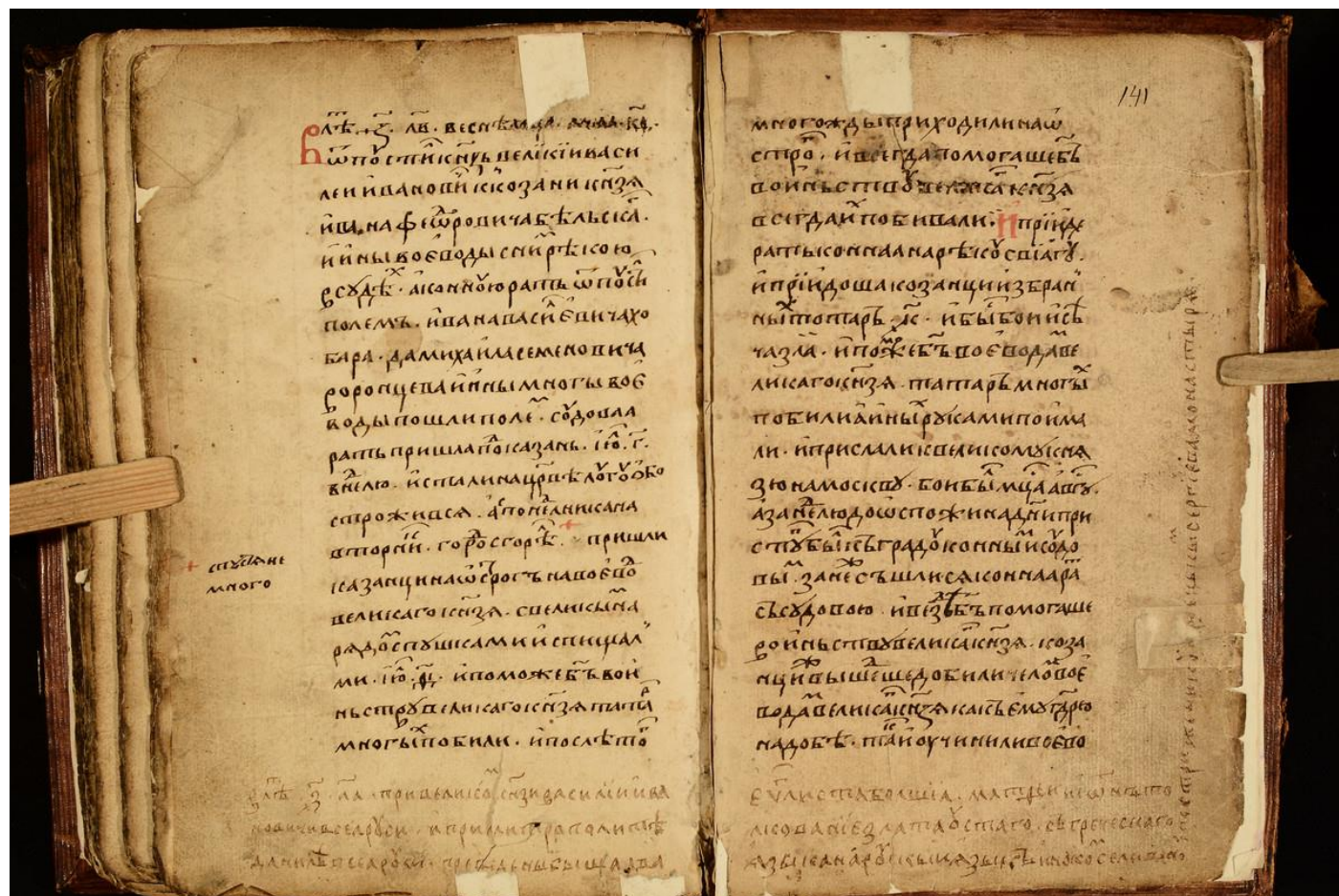

Рис. 3. Фрагменты рукописи Волоколамского летописца, содержащие погодную запись за 7032 (1524) г. о походе великокняжеских воевод на Казань 1524 г.

В лѣтѣ ѣ3 љв [7032] веснѣ мѣа [месяца] маа[~]ѣ [29] ѿпоустил [отпустил] кнзъ [князь] велікіи Василеи Иванович к Козани кнза Ивана Феѡдоровича Бельскга [Бельского] и ины воеводы с ним рѣкою в судѣх а конною рать ѿпоустил полемъ Ивана Василевича Хобара [Хабара] да Михаила Семеновича Воронцева и ины многы воеводы пошли полем. Соудавая рать пришла под Казань ѳюлѣ [3] в недлю [в неделю, в воскресенье] и стала на Црвѣ [Цареве] лоугу обостроживса. А с понедлника на вторник [с 4 на 5 июля] город [очевидно, казанская крепость, Кремль] сгорѣл + [на полях тем же почерком: + спуста немного] пришли казанци на ѡстрогъ на воевод великаго кнзз с великимъ нарядом с пушками и с пищальми ѳюлѣ [19] и поможе Бъ [Бог] воинству великаго кнза татар многих побили. И послѣ тогъ многажды приходили на ѡстрог и всегда помогаше Бъ воинству великаго кнза всегда их побивали. И прїиде рать коннаа на рѣкоу Свѣагу и прїидоша козанци избранных тотарѣ ѣк [20000] и быс бои и сѣча зла и поможе Бъ воеводам великаго кнза татарѣ многих побили а иных руками поимали и прислали к великому кнзю на Москву. Бои был мѣа августа за недлю до ѡспожина дни и приступ был къ градуу конным и соудовым зане ж съшлиса конная ратъ судовою. И вездѣ Бъ помогаше воинству великаго кнза. Козанци ж вышедше добили челом воеводам великаго кнза какъ ему гдрю надобѣ. Так и оучинили воеводы великаго кнза Василіа Иванович и пришли далѣ Бъ поздорову всѣ.

(При публикации древнерусского текста слова разделены пробелами в соответствии с нормами современной орфографии. Концы предложений в соответствии с правилами современной пунктуации обозначены точками. В скобках даются пояснения к древнерусским числам и некоторым словам, понимание которых может быть затруднительным для современных читателей).

Краткий Волоколамский летописец первой половины XVI в. доведен до 1526 г. и содержит приписки до 1534 г. Это памятник волоколамского происхождения (Клосс 1971, С. 246; Клосс, 1974. С. 111–112). Летописный рассказ о русском походе на Казань 1524 г. очень информативный, в нем наиболее обстоятельно описано сидение под Казанью судовой рати до прибытия конной и приведено относительно большое количество дат; в частности, есть несколько календарных дат, к одной из которых (3 июля), кстати, привязан правильный день недели (воскресенье). Это заставляет предположить, что хронист использовал официальную документацию. На это же указывает тот факт, что, по словам летописца, конная рать была отправлена на Казань «полем», а данное выражение применительно к конным казанским походам XVI в. как правило, характерно для разрядных записей и великокняжеского московского летописания. «Подем» в разрядной документации назывались земли в районе р. Оки и за Окой, даже лежащие в лесной зоне; разрядные росписи «подем» включали в себя

такие лесные города, как Коломну, Серпухов, Осетр (Зарайск) (см. напр.: Разрядные книги, 1966. С. 70, 72–75 и др.). В октябре 1552 г. конные войска под началом князя Михаила Ивановича Воротынского шли, по данным разрядов, от Казани в Нижний Новгород «подем» (там же, С. 138), хотя их путь лежал в лесной зоне – «берегом» Волги через расположенный у слияния Суры и Волги Васильгород (ПСРЛ, 1904. С. 222), нынешний Васильсурск. Просто эти земли расположены от Москвы за Окой. Подобное значение «поля» встречается также в сочинении князя А. М. Курбского, который отмечал, что поокский Муром находится у поля, и при этом южнее него по пути в Казань упоминал мордовские леса (Курбский, 2015. С. 32). Он употреблял это слово в двойном значении – местности за р. Окой и лесостепи за мордовскими лесами, обозначенной им как великое поле дикое.

Концовка рассказа о данной кампании довольно любопытная: казанцы бьют челом великокняжеским воеводам на условиях Василия III, вместе с тем, воеводы великого князя Василия Ивановича вернулись не здоровы все, как обычно говорится в летописях, а поздорову (!) все. Быть может, летописец, приведя официальную московскую версию о победе русской стороны, все же намекнул, что великокняжеским воеводам пришлось уйти из-под Казани подобру-поздорову, фактически не накладывая на казанских татар никаких серьезных обязательств и не восстановив над Казанским царством прежнего московского протектората (со времен Ивана III предусматривавшего нахождение на казанском троне московского протезе, а также обязанности казанцев платить дань и участвовать в московских военных походах)? Как уже отмечалось выше, рассказ о сражении на Свияге торжественно начинается с красной буквы (как начала погодных записей). Очевидно, хронист считал этот бой важным для кампании: победив казанское войско на Свияге, великокняжеская конная рать смогла соединиться с судовой ратью под Казанью и подступить к городу / начать штурмовать город, вынудив казанцев просить мира. Боевые действия под самой Казанью, имевшие место после боя на Свияге, хронист не описывает, кратко отмечая, что великокняжескому воинству везде помогал Бог. Как было сказано выше, источник приводит уникальную дату сражения: за неделю до Господина дня (8 августа), которая наилучшим образом перекликается со сведениями С. Герберштейна о начале осады Казани русскими войсками 15 числа после соединения конницы с судовой ратью. Не исключено, что информатором волоколамского книжника был второй воевода конной рати, участник сражения на Итяковом поле М. С. Воронцов. Примечательно, что в судовой рати был назван только первый воевода князь Иван Федорович Бельский, а в конной – и первый, Иван Васильевич Хабар и второй, Михаил Семенович Воронцов, несмотря на то, что судовая рать была главнее по статусу: ее первый воевода был главным военачальником над всеми участвовавшими в походе войсками и, в отличие от первого воеводы конницы, был

представителем княжеского рода. Текст данной погодной записи был впоследствии почти дословно повторен в Новгородской Большаковской летописи (далее – НБЛ), сохранившейся в списке XVII в. и в 2005 г. опубликованной Е. Л. Конявской (Конявская 2005, С. 374)²¹. Н. В. Белов отмечал, что Волоколамский летописец являлся одним из источников НБЛ (Белов, 2022. С. 611–612). Это, конечно, касается и публикуемого здесь рассказа Волоколамского летописца о походе на Казань 1524 г. Интересно, что в НБЛ это известие повторено с небольшими сокращениями, вроде пропусков упоминания о начале похода на Казань весной, и имени великого князя, воеводам которого добили челом казанцы (Конявская, 2005. С. 374). Эта информации была не важна для описания похода (и так понятно, что он начался весной: 29 мая, а раз воевод отправил поход великий князь Василий Иванович, то его воеводам и добивал челом противник). Поэтому похоже на то, что поздний переписчик, в целом дословно повторяя публикуемое здесь известие Волоколамского летописца об этом походе, опускал некоторые излишние подробности, которые и так ясно вытекают по смыслу из текста летописного повествования, а для людей, не являвшихся современниками описываемых событий и участвовавших в них лиц, и вовсе не имели принципиального значения.

Список источников и литературы

Алишев С. Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.

Акты Российского государства: архивы Моск. монастырей и соборов, XV – нач. XVII вв. Москва: Ладомир, 1998. 733 с.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. 1: 1294–1598. СПб.: В Типографии 2 отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. 548 с.

Бахтин А. Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 1998. 192 с.

Бахтин А. Г. Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д-ра ист. наук. М.: МГПУ, 2001. 568 с.

Бахтин А. Г. Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола, 2012. 660 с.

Бахтин А. Г. Воевода И.В. Хабар-Симский // Военно-исторический журнал. № 6. 2017. С. 72–79.

Бахтин А., Хамидуллин Б. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 289–358.

Белов Н. В. Начало военно-политической карьеры Шах-Али: на пути к казанскому походу 1524 г. // История военного дела: исследования и источники. 2019. Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв. 2019. Ч. II. С. 206.

²¹ Е. Л. Конявская полагает, что в НБЛ «поход на Казань под 7032 г. описан с подробностями, которых нет в других летописях» (там же. С. 337). Это ошибка вполне понятна: более раннее аналогичное повествование Волоколамского летописца в основном известно ученым в кратком и не вполне точном пересказе А. А. Зимина.

- Белов Н. В. Еще раз о Федоре Юрьевиче Щуке Кутузове, воеводе Василия III // Novogardia. 2021. № 1. С. 116–146.
- Белов Н. В. Неопубликованные памятники отечественного летописания в работах В. А. Волкова по русской военной истории XV–XVII вв. // Русская история. Избранные труды. М., 2022. С. 608–623.
- Бенцианов М. М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М.: Центрполиграф, 2019. 351 с.
- Вербицкий А. А., Карпенко П. П., Пелогейко А. В., Семин В. Ю. Русско-казанская война 1523–1524 гг. // Социогуманитарные коммуникации. № 3 (9). 2024. С. 27–32.
- Воинские повести Древней Руси. Л.: Лениздат, 495 с.
- Волков В. А. Войны Московской Руси конца XV–XVI вв. М.: Русский мир, 2001. 230 с.
- Волков В. А. Войны и войска Московского государства (конец XV – первая половина XVII вв.). М.: Эксмо, Агортм, 2004. 572 с.
- Герберштейн С. Записки о Московии. М.: МГУ, 1988. 430 с.
- Демидов Н. А. Исторический очерк Василь-Сурского уезда Нижегородской губернии. Ниж. Новг.: Типография Ройского и Душина, 1884. 76 с.
- Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. Москва: Типография Компании типографической, 1788. 506 с.
- Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив, Том V. М.; Л. 1950. С. 3–39.
- Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVI в. М.: Мысль, 1972. 452 с.
- Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI вв. М.: Наука, 1988. 350 с.
- Измайлов И. Л. Структура власти в поздnezолотордынских государствах // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 521–531.
- Илюшин Б. А. «Война лета 7014»: Московско-казанский конфликт 1505–1507 гг. Нижний Новгород: Стимул–СТ, 2018. 128 с.
- Илюшин Б. А. Мухаммед-Эмин – «царь» казанский: биографический. очерк. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 168 с.
- Илюшин Б. А. Казанские войны Василия III: монография. Казань: Логос, 2021. 428 с.
- Илюшин Б. А. Меж Казанью и Москвой. Нижегородский край в эпоху казанских и черемисских войн Нижний Новгород: ННГУ, 2022. 350 с.
- Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 7. СПб: в типографии Н. И. Греча, 1819. 358 с.
- Клосс Б. М. О времени создания Русского хронографа // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 26. Л., 1971. С. 244–255.
- Клосс Б. М. Иософо-Волоколамский монастырь и летописание конца XV – первой половины XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 6. Л., 1974. С. 107–125.
- Конявская Е. Л. Новгородская летопись из собрания Т. Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 322–383.
- Котляров Д. А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: у истоков национальной политики России. Ижевск: изд. Дом «Удмуртский университет», 2005. 314 с.
- Котляров Д. А. «Служащий царь» казанский хан Мухаммед-Амин и великие князья всея Руси // Вестник УдГУ. История и филология. Вып. 3. 2010. С. 23–31.
- Котляров Д. А. От Золотой Орды к Московскому царству: вхождение народов Поволжья в состав России. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 352 с.
- Кузнецов А. Б. Внешняя политика Российского государства в первой трети XVI в. Саранск: Типография «Красный Октябрь», 1999. 255 с.

Кузнецов А. Б. Русско-казанские отношения в 1521–1524 гг. // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции: Материалы IV Сафаргалиев. науч. Чтений. Саранск, 2002. С. 73–81.

Курбский А. М. История о делах великого князя московского. М., Наука, 2015. 968 с.

Лобин А. Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2011. 251 с.

Лызлов А. Скифская история / Подг. текста, комм., указ. А. П. Богданов; отв. ред. Е. В. Чистякова. М.: Наука, 1990. 520 с.

Михайлова И. Б. Москва и Казань: военные кампании 1523 и 1524 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 2. С. 35–44.

Мухамедьяров Ш. Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) / Репринтное воспроизведение кандидатской диссертации (Институт истории АН СССР, г. Москва, 1951 г.). Сост. и отв. ред. Р. Г. Галлям; авторы предисл. Р. Г. Галлям, С. М. Исхаков, А. А. Бурханов. Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. 276 с. + 4 с. вкл.

Несин М. А. Из истории логистики русских войск в XV-начале XVI в. (Отзыв на работу В.В. Пенского «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени») // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VIII. С. 134–166.

Несин М. А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. X. С. 432–491.

Несин М. А. Русский поход на Казань 1478 года // Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн: сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного годовщине битвы на Константиновом поле 1549 года / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. Нижний Новгород, 2022. С. 40–46.

Несин М. А. Казанский поход на Вятскую землю и русский поход на Казань 1478 года // Актуальные проблемы региональной истории. Памяти учителей: Мария Михайловна Мартынова (1922–2003), Борис Григорьевич Плющевский (1912–1998), Николай Николаевич Латышев (1892–1953), Никифор Павлович Павлов (1922–2008): материалы III Всерос. науч. конф. (Ижевск, 14–15 апреля 2022 г.) / отв. ред. и сост. Л. Н. Бехтерева, В. В. Пузанов, Д. В. Репников. Ижевск: УдГУ, 2022. С. 107–120.

Несин М. А. К истории взятия Казани в 1487 году: проблемы хронологии и особенности организации похода // Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн: сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного 500-летию юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. Нижний Новгород; Свияжск, 2024. С. 78–104.

Нижегородский летописец. Нижний Новгород: тип. Губ. правл., 1886. 144 с.

Похлебкин В. В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв. 1238–1598 гг.: (от битвы на Р. Сить до покорения Сибири). М.: междунар. Отношения, 2000. 189 с.

Памятники литературы Древней Руси. Вып. 7. М.: Художественная литература, 1985. 624 с.

ПСРЛ. Т. 3. СПб: Типография Э. Праца, 1841. 346 с.

ПСРЛ. Т. 6. СПб: Типография Э. Праца, 1853. 358 с.

ПСРЛ. Т. 8. СПб: Типография Э. Праца, 1859. 302 с.

ПСРЛ. Т. 13 СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1904. 302 с.

ПСРЛ. Т. 19. СПб.: ПСРЛ. Типография И. Н. Скороходова, 1903. 496 с.

ПСРЛ. Т. 24. М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с.

СРЛ. Т. 25. М.: Языки русской культуры, 2004. 488 с.

ПСРЛ. Т. 26. М.; Л.: АН СССР, 1959. 415 с.

ПСРЛ. Т. 29. М.; Л.: АН СССР, 1965. 391 с.

- ПСРЛ. Т. 34. М.: Наука, 1978. 303 с.
- ПСРЛ. Т. 37. Л.: Наука, 1982. 228 с.
- Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 616 с.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Наука, 1977. Т. 1. Ч. 2. 188 с.
- РГБ. Ф. 92. Д. 2. 143 л.
- Сборник Императорского Русского Исторического Общества Т. 35. СПб.: Типография Ф. Елеонского и К°, 1892. 870 с.
- Сборник Русского исторического общества. СПб.; Типография Ф. Елеонского и К°, 1884. Т. 41. 588 с.
- Свечников С. К.* Присоединение Марийского края к Русскому государству: монография. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. 268 с.
- Свечников С. К.* Васильгород в период русско-казанских войн 1523–1552 гг. // Сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного 500-летию юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. Нижний Новгород; Свияжск, 2024. С. 21–36.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 20. М.: Наука, 1995. 288 с.
- Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. 772 с.
- Смирнов И. И.* Восточная политика Василия III // Исторические записки. 1948. Т. 27. С. 18–66.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М.: Тип. Н.С. Всеволожского, 1813. 643 с.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Книга первая. СПб: Товарищество «Общественная польза, 1851. 1276 стб.
- Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 гг.). Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1909. 143 с. URL: <https://xn--80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/content/spisok-s-piscovoy-i-mezhevoy-knigi-goroda-sviyazhska-i-uezda-pisma-i-mezhevaniya-nikity>
- Тихомиров М. Н.* Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Русское летописание. М., 1979. С. 158–171.
- Трепавлов В. В.* История Ногайской орды. 4-е изд. М.: Квадрига, 2024. 1048 с.
- Филюшкин А. И.* Василий III. М.: Молодая гвардия, 2010. 346 с.
- Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Государственное издательство, 1923. 302 с.
- Чернов А. В.* Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв. (С образования централизованного государства до реформ при Петре I). М.: Воениздат, 1954. 224 с.
- Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. М., 1951. Т. 7. С. 254–299.